

«Круглые столы» семинара
«Петербургская
политологическая экспертиза»

СТЕНОГРАММА «КРУГЛОГО СТОЛА»
«НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
ДОКТРИНА И РЕАЛЬНОСТЬ»

2 марта 2005 г. на философском факультете СПбГУ прошел «круглый стол», посвященный проблемам национальной безопасности современной России. Приводим полную стенограмму заседания.

Список участников «круглого стола»

Аркан Юрий Леонидович – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор философского факультета СПбГУ

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философского факультета СПбГУ

Белобородова Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор Российской Академии Государственной Службы при Президенте Российской Федерации

Гончаров Вадим Эдуардович – кандидат политических наук, доцент СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики»

Гуторов Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философского факультета СПбГУ

Денисов Алексей Петрович – генерал-майор, заместитель директора ИСОА

Дука Александр Владимирович – кандидат политических наук, ведущий сотрудник ИС РАН

Дьяков Николай Николаевич – профессор восточного факультета СПбГУ

Ивашов Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии геополитических наук

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета международной коммуникации Балтийского государственного технического университета

Карцов Алексей Сергеевич – кандидат политических наук, кандидат юридических наук, доцент факультета международных отношений СПбГУ

Кортунов Сергей Вадимович – доктор политических наук, профессор, руководитель Комитета внешнеполитического планирования

ПОЛИТЭКС. 2005. Выпуск 2

Кортунова Мария Васильевна – исполнительный секретарь Комитета внешнеполитического планирования

Ланцов Сергей Алексеевич – доктор политических наук, профессор философского факультета СПбГУ

Марахов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, профессор философского факультета СПбГУ

Мутагиров Джамал Зейнутдинович – доктор философских наук, профессор философского факультета СПбГУ

Петров Валерий Леонидович – кандидат философских наук, вице-президент Академии геополитических наук

Полякова Наталья Валерьевна – кандидат философских наук, доцент философского факультета СПбГУ

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор философского факультета СПбГУ

Радиков Иван Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского института экономики и права

Свешников Александр Львович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института стратегических оценок и анализа

Серов Константин Николаевич – депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Сморгунов Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философского факультета СПбГУ

Солонин Юрий Никифорович – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета СПбГУ

Цыпляев Сергей Алексеевич – президент фонда «Республика»

Солонин: Тема нашего сегодняшнего семинара — национальная безопасность современной России. До начала нашей работы я представлю участников семинара, наших гостей, а также напомню о регламенте. Почтили и откликнулись благожелательно на наше приглашение наши московские коллеги. Это даст нам возможность обсудить проблему безопасности с самых разных сторон, с самых разных точек зрения, как петербургских, так и московских коллег. Это будет полезно.

Валерий Алексеевич будет следить за соблюдением регламента, которого мы должны в целом придерживаться. Участников сегодня много, это говорит о том, что тема интересна сама по себе, она принципиально важна для нашей страны. Мы услышим много интересного материала, мнений. Но регламента надо будет придерживаться. Я думаю, мы сохраняем традиции петербургской культуры, ведь Петербург — все-таки культурная столица. Уже и москвичи сдались: «Будьте хоть какой-то столицей». Нашим коллегам из Москвы дадим больше времени для выступлений.

Перед участниками лежит книга под названием «ПОЛИТЭКС» — «Политическая экспертиза». Это первый номер, пока он назван альманахом. Он — проявление научной жизни как нашего семинара, так и Политологического института философского факультета Санкт-Петербургского университета. Мы дарим вам этот выпуск. Планируется, что выходить он будет раз в квартал. Материалы нынешнего семинара будут опубликованы в следующем номере, а материалы предыдущих семинаров, наиболее интересные вы-

держки будут, видимо, тоже представлены в ближайших номерах «ПОЛИТЭКСа». Поэтому прошу этот журнал воспринять, любить и жаловать, и если будет дружеская, но принципиальная критика относительно всех сторон его, мы с удовольствием примем ее с тем, чтобы совершенствовать альманах до того уровня, который соответствует международным стандартам подобного рода изданий.

Я закончил вводную речь, а сейчас представлю наших гостей. Прежде всего, я хочу назвать Вагифа Алиовсатовича Гусейнова, он сидит слева от меня, директора Института стратегических оценок и анализа, главного редактора журнала «Вестник аналитики». Этот журнал есть в библиотеке нашего факультета, мы его получаем регулярно с благожелательного согласия Вагифа Алиовсатовича. Здесь написан целый ряд других его достоинств. Вы не возражаете, если я их все назову? Нет? Конечно же. Член Совета по внешней и оборонной политике, генерал-майор, несмотря на то что на Вагифе Алиовсатовиче этот сюртук гражданского покроя, своего рода форма прикрытия... Дальше я позволю себе назвать даму. Доктор политических наук Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, профессор Российской академии госслужбы. Думаю, что многие коллеги, если не все, знают ее работы. Далее представляю вице-президента Академии геополитических наук, доктора исторических наук и профессора Ивашова Леонида Григорьевича, бывшего начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны.

Вы можете уже видеть, что сами положения, должности, статусы говорят о том, что мы имеем перед собой экспертов и специалистов высшего уровня.

Далее позволю себе представить Денисова Алексея Петровича, заместителя директора ИСОА, бывшего начальника Аналитического управления Совета Безопасности РФ, генерал-майора. Картунов Сергей Вадимович – руководитель Комитета внешнеполитического планирования, доктор политических наук и профессор, бывший заместитель секретаря Совета Обороны РФ. Сергея Вадимовича мы тоже прекрасно знаем. Картунова Мария Васильевна – исполнительный секретарь Комитета внешнеполитического планирования. И, наконец, Свешников Александр Львович – научный сотрудник института, которым руководит Вагиф Алиовсатович, кандидат философских наук. Петров Валерий Леонидович – вице-президент Академии геополитических наук, кандидат философских наук, тоже из Москвы. Я всех представил московских гостей? Поскольку петербуржцев здесь много, очень много, я думаю, что с ними вы можете познакомиться по ходу дискуссии (и по спискам, которые перед вами). Теперь я передаю микрофон Валерию Алексеевичу Ачкасову, заведующему кафедрой международных политических процессов, доктору политических наук, профессору.

Ачкасов: Спасибо. Рад приветствовать уважаемых коллег на нашем «круглом столе». Несколько слов о регламенте. Планируются два главных доклада, которые сделают Вагиф Алиовсатович Гусейнов и Леонид Григорьевич Ивашов. Мы им даем минут по 20 каждому, но, естественно, краткость приветствуется. Затем будет несколько подготовленных докладов московских и петербургских коллег. Затем через 1 час 30 минут мы

сделаем небольшой перерыв. После будет обсуждение основных докладов, выступление тех экспертов, которые тем или иным образом изъявят желание, обратившись к ведущему.

Несколько слов о журнале «ПОЛИТЭКС», у него еще даже липкая обложка, поскольку только сегодня принесен из типографии. Это первый, надеемся, профессиональный журнал петербургских политологов, мы его пока осторожно называли альманахом, хотя собираемся преобразовать в журнал. Раздали мы его не зря, прежде всего, экспертам, потому что надеемся на их сотрудничество. Любой журнал требует широкого авторского коллектива. Мы призываем вас активно участвовать в дальнейших изданиях этого журнала.

Солонин: Извините, коллеги, маленькое сентиментальное дополнение. Вагиф Алиовсатович известен как поборник и сторонник развития политологической, в широком смысле слова, мысли в Петербурге. В частности, он оказал очень щедрую конструктивную поддержку важному мероприятию, которое прошло в прошлом году, — II Международному конгрессу конфликтологов. Один из организаторов этого Конгресса, заведующий кафедрой конфликтологии нашего факультета, профессор Стребков Александр Иванович хочет поблагодарить Вагифа Алиовсатовича обычным в нашем случае способом — вручить ему грамоту за подписью ректора нашего Университета Людмилы Алексеевны Вербицкой.

Стребков: Да не я хочу поблагодарить, а Вербицкая...

Солонин: Да? А ты не благодаришь?! (смеется).

Стребков: За оказанную финансовую поддержку, участие в организации Конгресса.

Гусейнов: Спасибо огромное.

Аплодисменты.

Ачкасов: Переходим к содержательной части нашей встречи. Я предоставляю слово Леониду Григорьевичу Ивашову. Пожалуйста.

Ивашов: Добрый день, спасибо за приглашение и право первым включиться в нашу дискуссию. Замечу, что наблюдается тенденция, не говорю, здоровая она или опасная, почему-то в политических процессах, в том числе и конференциях, генералов стали выпускать в первом эшелоне. Прошу у уважаемой аудитории прощения, поскольку доклад будет несколько сумбурным в связи с тем, что мы не знали регламента, вот сейчас чуть-чуть его ужимали.

По данным социологического опроса, который недавно проведен известной организацией Gallup International в 60 странах мира и охватил десятки тысяч людей, свыше 45% респондентов заявили, что в будущем они видят мир более опасным, чем сегодня. Еще 33% опрошенных затруднились с ответом. При этом угрозу ожидают жители не наименее развитых стран в Африке и Юго-Восточной Азии, что было бы понятно, а население государств Европы и США. Никто не имеет четкого представления, каким будет мир, что будет представлять из себя новая мировая иерархия. Мир сегодня как бы уходит от философии жизнеустройства человечества XX века и находится на переходном

этапе. Но при этом, как я уже сказал, никто не представляет будущей модели мироустройства. В этой неопределенности просматривается главная опасность нынешнего мирового состояния. Сетевая типология угроз, гибкая и маневренная, лишает современную цивилизацию адекватной защиты традиционными средствами, поскольку одновременно присутствуют риски и угрозы ушедшего, уходящего миров, а также совершенно непонятного будущего. Этот новый класс угроз еще не познан человечеством, а значит, не найдено и противоядие.

США и мировая олигархия форсируют установление глобального господства, неограниченно используя военную силу, финансовое закабаление, информационно-психологическое подавление, при этом вмешиваются во внутренние дела любого государства, дестабилизируют ситуацию и через управление хаосом приводят к власти подконтрольные им режимы. Через так называемые международные стандарты суверенные страны ограничивают в праве на обеспечение своей безопасности, создание современных армий, оборонной промышленности, военной науки. Любые попытки воспротивиться этому вызывают мощное внешнее давление под предлогом защиты прав человека и демократии вплоть до масштабного применения военной силы. В мировую политику вброшен фантом международного терроризма, являющийся инструментом глобализаторов и одновременно следствием политики покорения других народов, я бы сказал, ответов. С помощью этого искусственно созданного и выпестованного спецслужбами инструмента подавляются всякое инакомыслие, попытки проведения суверенной внешней и внутренней политики. А армия и спецслужбы государств превращаются в полицейские придатки военной машины США и теневой политики транснациональных сил.

Для России не делается исключение. Она, лишенная на протяжении 15 лет собственной внятной стратегической инициативы и логики развития, оказалась встроена в активно создаваемую чужую стратегию, которая отводит нашей стране роль управляемого объекта. Наглядный пример тому — встреча в Братиславе двух президентов 24 февраля этого года, когда мы были именно в положении ведомого, только отвечали, оправдывались перед допросом со стороны президента США. Более того, наша территория, богатая ресурсами, наш оборонный потенциал являются для глобальных сил объектом номер один. В их планах нам отведена роль ресурсного обеспечения золотого миллиарда, союзника в борьбе с Китаем, исламским миром и другими непокорными народами, свалки отходов опасных производств и интеллектуальной кормушки Запада.

Наши заокеанские «друзья» разработали глобальный антироссийский сценарий, он сегодня для многих очевиден, кто занимается политическим анализом. Есть несколько концептуальных планов и частных сценариев, которые реализуются на российском и соседних с ним пространствах.

Глобальный сценарий однозначно предполагает дестабилизацию положения в России и ее расчленение на ряд мелких «Швейцарий» и установление контроля над разделенной территорией с последующим сокращением населения, по крайней мере, напо-

ловину. Концептуальные сценарии предусматривают построение на российском пространстве такой политической системы, подчиненной интересам США и мировой олигархии, в рамках которой действуют либеральная модель, экономика из развитой промышленной базы и полицейской формы безопасности.

Частные планы предусматривают реализацию последовательных программ по нейтрализации российского ядерного потенциала, приватизацию оборонно-промышленного комплекса, вовлечение наших вооруженных сил в международные полицейские структуры под эгидой борьбы с терроризмом, а также подготовку и проведение армиями США и НАТО военных операций в конкретных регионах России. Академии геополитических проблем уже не раз доводилось комментировать подлинные американские и натовские материалы по этим сценариям. Напомню лишь некоторые из них. Все эти документы заказывались или исследовались Пентагоном или объединенным комитетом начальников штабов вооруженных сил (далее ВС) США и принимались в качестве документов. Например, «Степень упадка России и задачи военно-воздушных сил США», «Последствия применения портативного ядерного устройства в подземных сооружениях типа московского метрополитена», «Станет ли Россия полем боя?», «Будущий контроль над территорией России» и т. д. А вот совершенно новый документ: «Новая стратегия НАТО в Черноморском регионе». И последний — «Обеспечение доступа американских ВС к важнейшим стратегическим регионам мира», который разработан «Rand corporation» и другими фирмами по заказу ВС США. Весьма коротко остановлюсь на последнем, поскольку в нем описывается военная операция США и НАТО в будущем по захвату и отторжению Калининградской области, разгрому группировки Балтийского флота и Ленинградского военного округа. Этот сценарий отработывался на штабной игре-семинаре в ВС США.

Цитирую некоторые выдержки: «Причиной возникновения конфликта может послужить резкое ухудшение российско-американских отношений, происходящее на фоне расширения НАТО на Восток и сохранения американского военного присутствия в Центральной Азии. В условиях очевидной слабости своих обычных ВС и создания Вашингтоном системы национальной ПРО, способной обесценить российский ядерный потенциал, в Москве может усилиться ощущение уязвимости обложенного в берлоге медведя. Со своей стороны, США, раздраженные тесными связями между Москвой и Тегераном, могут посчитать Россию скорее пособником «оси зла», чем своим стратегическим партнером». И далее: «Низкий уровень боеготовности российских ВС, требующий тридцатидневного мобилизационного периода, способствует успешной переброске и наращиванию американских ВС и средств на предполагаемом театре военных действий» и т. д. Дальше идет конкретный план операции, соотношение сил и прочее. Но, даже опираясь на эти цитаты, можно констатировать, что антироссийские сценарии из подготовительной стадии вступили в фазу практической реализации. И первым этапом, как это было в ситуации с Югославией и Ираком, является информационно-психологическая операция. Старт ей дал небезызвестный рупор мировой закулисной американской по-

литики Збигнев Бжезинский. Главным объектом информационно-политического подавления стали здоровые проявления в политике руководства страны, направленные на укрепление государственной безопасности, а также остатки здоровых сил во властных структурах, а объектом западной поддержки — либерал-демократы ельцинской заправки и криминальная олигархия. Бжезинский назвал свою статью «Московский Муссолини». Понимаете, о ком он?

Не нова, но интересна адресованная Администрации Джорджа Буша рекомендация Бжезинского, как изменить ситуацию в России в пользу США. Цитирую: «Блокировать Россию, сделав соседние с ней государства надежными союзниками США, дать свободу нерусским меньшинствам России, усилить поддержку российских демократов». Все это, собственно говоря, последовательно выполняется. Напомню известное письмо 115 западных политиков с призывом НАТО, и ЕС, и США бойкотировать Россию Путина и т.д. В проекте созданного Тони Блэром Центра внешней политики Великобритании подчеркивается (проект называется «Будущее России»), что Великобритания должна прямо поставить вопрос перед ЕС с НАТО, Советом Европы и ОБСЕ о будущем либеральной демократии в России. По мнению британского аналитического Центра, у России не должно остаться другого выбора помимо отказа от своих намерений и перехода к построению либерально-демократической системы. И далее следует конкретный сценарий революции, то ли оранжевой, то ли березовой. С какой целью все это делается?! Чтобы сохранить убийственный реформаторский курс, как это объяснил заместитель госсекретаря США Ричард Арнитедж 9 октября 2004 г. Он откровенно заявил об американских претензиях на Россию. Давайте задумаемся в его фразу! Цитирую: «При обеспечении безопасности США мы просто не можем позволить себе поставить под угрозу демократические институты в России, которые обеспечивают успех нашей экономики». Я думаю, тут комментарии излишни. Судя по размаху и направленности раскрученной информационной атаки против здоровых сил в государстве и здоровых ростков политики безопасности, можно предположить, что она решает задачи дискредитации и расшатывания и без того дискредитированной своими действиями центральной власти, чтобы сделать ее совершенно недееспособной, лишить воли и общественной поддержки в условиях грядущего расчленения России, а поскольку разговор переведен уже на конкретные личности и временные рамки, то это означает, что в соответствии с планами разрушение России должно произойти очень скоро. Такой вывод сделан одним из официальных западных источников, американских, поскольку, цитирую: «В российской элите накоплена критическая людская масса, позволяющая перейти к взлому всех систем российского государства». Это — официальный документ. Информация добыта не совсем публично.

Опасность состоит, на мой взгляд, и в возможности разрастания зоны вооруженных конфликтов на территории России и сопредельных государств с последующей интернационализацией процессов. Тревожная обстановка на Кавказе вызывает опасения у многих специалистов. В конце весны—начале лета этого года мы можем столкнуться с фак-

том развязывания новой войны на Кавказе. Косвенных признаков этого предостаточно. Зона конфликта выйдет далеко за ставшие традиционными пределы Чечни. Есть необходимые условия, чтобы он распространился на весь Кавказ, от Черного до Каспийского моря. Далее мы видим проецирование этого конфликта на Крым и наше российское Поволжье. И усилиться эффект этого конфликта может с начала ударов по территории Ирана, которые возможны где-то после 20-х чисел марта.

Огромная огненная дуга, о подготовке которой геополитическими противниками России много лет говорили специалисты, очень скоро может стать свершившимся фактом. Неспособность России справиться с быстрым разрастанием и интернационализацией вооруженных конфликтов станет надежным аргументом для вмешательства сил НАТО. На этот случай также подготовлен сценарий под названием «Новая стратегия евроатлантического сообщества в Черноморском регионе», суть которой состоит в том, чтобы «поставить Россию перед свершившимся фактом, а потом садиться за стол переговоров».

Самое поразительное, что на этом фоне нынешняя власть, объявляя о тотальной войне против нашего государства, сознательно уводит общественное мнение от подлинных источников угроз существования России, переключает его на ложные цели в лице международного терроризма, исламского халифата, антисемитизма, русского экстремизма и т.д. Более того, сразу же после бесланского заявления Путина о тотальной войне против нашей страны предпринимаются беспрецедентные меры по созданию взрывоопасной ситуации в своем стратегическом тылу. Это связано с монетизацией льгот и другими социальными реформами.

Одновременно, проводя уступчивую внешнюю политику, власть распродает остатки суверенитета, лишает Россию стратегического потенциала, способности противостоять угрозам и вызовам совместно с другими заинтересованными государствами. Во внутренней политике мы опять же продолжаем следовать полностью обанкротившимся либеральным рецептам, уничтожая нашу политическую систему, систему безопасности, экономический, интеллектуальный, образовательный и духовный потенциал. Сегодня, пожалуй, впервые в истории страны верховная власть уничтожает оборонный потенциал, третирует человека в шинели, презирает военную службу, превращает армию в политического и социального изгоя. Особенно осложняется сегодня ситуация вокруг стратегических сил. Мы последовательно теряем возможность ответа на встречный удар, что являлось главным фактором стратегического ядерного сдерживания и гарантией широкомасштабной агрессии против нашей страны. Из-за завершения сроков эксплуатации выводятся из боевого состава самые мощные наземные ракетные комплексы. Свертывается развитие модернизации стратегической реакции, объясняя это тем, что у нас оборонительная доктрина, а главный враг — терроризм.

Интенсивное развертывание американской ПРО, приближение ее к границам России еще более девальвирует ракетно-ядерный потенциал. Российский Генштаб долгое время не замечал, что США планомерно реализует программу перехвата баллистиче-

ских ракет наземного и морского базирования. Введение в эксплуатацию радиотехнического комплекса в Норвегии, размещение радиотехнического оборудования на Шпицбергене, радиоакустические сети, постоянное присутствие разведкораблей и атомных подводных лодок США и Великобритании в Баренцевом море, плюс модернизация аэродромов для авиации в странах Балтии и Норвегии — все это практически блокирует действия Северного флота, космодрома Плесецк и наземных группировок ракетных войск на Северо-Западе России. Сейчас руководством страны рассматривается совместный российско-американский проект под названием «Снижение ядерных рисков», подготовленный Институтом США и Канады РАН и американскими центрами. Этот проект разрешает (кстати, подобное совместное заявление 24 февраля подписано президентами США и России) американское военное присутствие на наших стратегических объектах, а нам, якобы, на объектах США. По мнению специалистов, принятие этого плана приведет к вскрытию российской системы предупреждения ракетного нападения и возможности ее заблокировать, к резкому снижению боеготовности стратегических и ядерных сил России, готовности США установить контроль над российскими ядерными силами. Обращает внимание кампания в СМИ по нагнетанию страха в отношении опасности наших ядерных объектов. Эта же тема актуализируется официальными представителями США. На встрече в Братиславе 24 февраля вопрос о международном контроле за российскими ядерными объектами под давлением российской общественности был приглушен, но, тем не менее, сделан промежуточный шаг по соглашению, о котором я уже говорил.

Что же остается России? Что касается наших возможностей противостояния планам мировой финансовой олигархии, то я лично уповаю на совокупный российский потенциал. Это — масштабное географическое пространство между Европой и Азией и пока еще огромные природные ресурсы, которые при умелой эксплуатации могли бы уже сегодня в материальном плане сделать богатым каждого из нас; наше духовное состояние, которое в своем совокупном потенциале зачастую играет решающую роль; открытость к союзу по духовным основаниям. И, безусловно, это наш еще сохранившийся интеллектуальный потенциал, если он будет востребован, если к власти придут настоящие государственники, Россия обретет себя, да и союзников в мире у нас сегодня предостаточно. Но организовать этот потенциал в рамках единой стратегии пока не удается, как и перспективы прихода к власти государственных. Зато отчетливо просматривается стратегия противостоящей стороны, она наиболее отчетливо прорисовывается с возвращением в большую политику Михаила Михайловича Касьянова как единого кандидата правых сил, заключившего договор с Березовским, Абрамовичем и мировой финансовой олигархией, но не исключаю достижение договоренности и с Путиным. Одновременно наблюдается консолидация западной и нашей внутренней оппозиции, концентрируются финансовые ресурсы, проводится структурная перестройка политических сил, интенсивно изучается опыт «оранжевой» революции на Украине, идет отбор молодежи и формирование структур, проводится идеологическая обработка, и даже направ-

ляется молодежь на стажировку в Украину и США, где с ними встречалась Кондолиза Райз.

Методика действий очевидна, это — нанесение мощных концентрированных ударов, создание хаоса и ситуации неуправляемости в стране, перехват политической инициативы, общественное силовое давление на власть, принуждение к отставке президента и правительства и, естественно, собственный приход к власти.

Наш вывод, что уже к лету 2005 г. ситуация может войти в критическую фазу. Выход видится в разработке и реализации контрсценария по решительному переходу к активным действиям. Основы сценария могло бы составить следующее: первое — решительное размежевание с радикал-либералами и опора на государственников во всех властных структурах и интеллектуально-общественных объединениях и в политических организациях; второе — планомерная замена псевдозлиты в госорганах профессионалами, государственниками и формирование, таким образом, элитарной команды, духовным стержнем которой будет служение Отечеству, а мерой нравственности — святость патриотических принципов; третье — вынесение на публичное, всенародное обсуждение новой стратегии прорывного развития России; четвертое — формирование сети пророссийских союзнических сил в Ближнем и Дальнем зарубежье.

Общероссийское офицерское собрание, состоявшееся в Москве 19 февраля, провозгласило необходимость формирования Народного ополчения для защиты государственности и территориальной целостности страны и перехвата стратегической инициативы. Суть ополчения — создание структур системного сопротивления разрушительным процессам и «березовым» революциям во всех сферах жизнедеятельности российского общества. Причем это, на наш взгляд, должно строиться на надпартийной основе. Мы, конечно, предлагаем организующим ядром выдвинуть офицерский корпус России. Как действующий, так и находящийся в запасе. Скажу откровенно, это — попытка найти выход из того смыслового тупика, в котором оказалась Россия, и создать в стране субъект стратегического действия, объединяющий в себе корпорацию: истинную элиту и народные массы в качестве правящего класса, концентрирующего национальную энергию для долгосрочных целей прорывного развития и борьбы с внешними и внутренними угрозами в себе. На наш взгляд, именно такой субъект, а не интеллектуально обнищавшие политические партии, приведшие народ к социальной апатии и деморализации, будет способен предложить обществу внятную социальную доктрину и стратегию развития государства Российского, а также мобилизовать нацию на защиту своего будущего. Спасибо.

Аплодисменты.

Солонин: Уважаемые коллеги, поскольку это у нас теоретический семинар, аплодисменты оставим для театра.

Ачкасов: Да, и еще пару слов о регламенте. Я понимаю, что сейчас возникло много вопросов к Леониду Григорьевичу, но мы имеем некоторую традицию: мы сейчас слушаем три основных выступления, потом будет короткий цикл вопросов к трем выступающим. Еще одно ограничение: поскольку это все-таки «круглый стол», а не пресс-

конференция, возможность задать вопросы будет только у членов экспертного стола, т.е. тех, кто сидит за этим столом. После этого будет небольшой перерыв, затем обсуждение основных докладов. Теперь я предоставляю слово Вагифу Алиовсатовичу Гусейнову. Пожалуйста.

Гусейнов: Факторы, имеющие непосредственное отношение к заявленным вопросам на нашем «круглом столе»:

1. Это изменившиеся внешние условия и вызванная ими необходимость переосмыслить место РФ в меняющемся мире. Основные моменты: изменившиеся отношения России и США; сотрудничество с ЕС, особенно после его расширения; расширение НАТО и трансформация этого военно-политического союза; восточный, прежде всего китайский, фактор; политика, проводимая США на мировой арене по установлению своего лидерства, прежде всего, в районах, представляющих наибольший интерес для Российской Федерации («Большой Ближний Восток», пространство бывшего СССР, Азиатско-Тихоокеанский регион).

2. Изменившаяся ситуация на пространстве бывшего СССР (так называемое «ближнее зарубежье»).

3. Серьезные изменения, произошедшие во внутривнутриполитической сфере, в экономике и социальной сфере страны. Так, административная реформа потребовала пересмотра или уточнения функций госорганов, обеспечивающих безопасность страны, определения места новых органов в системе безопасности.

4. Изменения в спектре угроз глобальной и национальной безопасности, появление новых угроз и перераспределение «веса» (приоритета) угроз в критериях национальной безопасности.

5. Кардинальные изменения, произошедшие за последние 10 лет в военно-стратегической области (в мире в целом, в отдельных регионах и в России).

6. Изменившиеся возможности Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности (точнее, снижение этих возможностей).

Более подробно в рамках обсуждаемой темы остановлюсь на такой проблеме, как процессы, происходящие сегодня на Ближнем и Среднем Востоке, и их влияние на национальную безопасность России.

Стратегия модернизации так называемого Большого Ближнего Востока, которая объявлена Вашингтонской администрацией одной из приоритетных внешнеполитических задач, пока еще, к сожалению, не стала предметом глубокого изучения и анализа российских политологических кругов, тем более в контексте ее влияния на национальную безопасность России. Между тем, нарастающая военная, политическая, экономическая, информационная (а если говорить прямо, идеологическая) активность Соединенных Штатов в этом огромном регионе непосредственно затрагивает жизненно важные интересы и безопасность России как государства, чьи южные границы непосредственно примыкают к этому беспокойному региону, ставшему в последние годы ареной целого ряда войн и вооруженных столкновений.

О необходимости модернизации Большого Ближнего Востока в США говорят давно. Но официально об этих планах Вашингтона президент Буш заявил летом 2004 г. на саммите «восьмерки». Конечно, Большой Ближний Восток — не единственный объект «великого демократического крестового похода», как уже называют ту политику, которую активно проводит на мировой арене нынешняя американская администрация. Главная цель этого «крестового похода» — изменение хода мировой истории, а Большой Ближний Восток становится главным объектом вашингтонских «крестоносцев». Конечно, необходимость модернизации Большого Ближнего Востока признается не только Соединенными Штатами. Эта тема становится одной из злободневных в международных отношениях, ее актуальность, скорее всего, будет возрастать в ближайшие годы. Такой вывод обосновывается целым рядом факторов, среди которых можно выделить следующие.

Во-первых, возрастание геополитического веса региона. Геополитический центр тяжести современного мира переместился из Западной Европы, где еще недавно проходила «линия фронта» между двумя противоположными лагерями, в центр Евразийского континента. Это важнейшее геополитическое пространство становится основной областью приложения политики мировых центров силы.

Во-вторых, исламский фактор. Большинство стран Большого Ближнего Востока относятся к исламской цивилизации, которая в силу целого ряда объективных и субъективных причин катастрофически отстала от тех динамичных и все убыстряющихся процессов, которые стали развиваться в мире в XX веке. Это отставание наиболее наглядно проявилось в условиях глобализации мировой экономики и политики, общемировой информационной экспансии США. Регион Большого Ближнего Востока является на сегодняшний день наиболее нестабильным и проблемным гиперпространством глобального значения, своего рода находящимся под нарастающим давлением паровым котлом, способным подорвать глобальную стабильность, «Мировыми Балканами» (по выражению Бжезинского). Целый ряд стран региона находятся в деградирующем состоянии или близки к нему. Это способствует росту в них экстремистских и сепаратистских настроений, создает питательную почву для этнической и религиозной ксенофобии.

В-третьих, высокий уровень интерпреступности, или геокриминальный фактор. ББВ за последние годы стал рассадником и средоточием центров международного терроризма и других видов интерпреступности (наркобизнес, торговля оружием, живым товаром), являющихся основными угрозами человеческой цивилизации в XXI в.

В-четвертых, военно-стратегическое значение региона. Уже не первый год многие американские политики и политологи говорят о ведущейся «четвертой мировой войне». Кто же в этой войне противостоит США? Дж. Вулси (президент правозащитной организации «Freedom House», бывший директор ЦРУ) еще в 2003 г. обозначил трех врагов США в этой войне. Все они из региона Большого Ближнего Востока: религиозные правители Ирана, «фашисты» (партия БААС) Ирака и Сирии и исламские экстремистские организации, подобные «Аль-Каиде». В этом же регионе расположены или граничат с ним

три государства, обладающие ядерным оружием, но не подписавшие Договор о нераспространении ядерного оружия (Израиль, Пакистан, Индия). Ядерные амбиции имеют и другие государства региона.

В-пятых, высокая роль ББВ в системе мирового хозяйства, или геоэкономический фактор. Экономический потенциал региона, даже не учитывая его нефтяные запасы, достаточно высок и еще далеко не полностью используется. Регион занимает в системе мирохозяйственных связей исключительно выгодное расположение, связывая в единое целое Запад и Восток, Север и Юг. На этой территории экономически целесообразно развертывание экспортных производств, не исключая и высокотехнологичные, крупных центров мировой торговли. Неоспоримые преимущества региона — близость источников энергоресурсов, коммуникационные возможности как главного узла мировых товаропотоков, оптимально приближенного к мировым рынкам сбыта, дешевая, достаточно квалифицированная и социально организованная рабочая сила.

Шестой, главный фактор — геоэнергетический, то есть нефть. На нефти держится вся человеческая технократическая цивилизация. Но запасы ее в мире иссякают, их хватит на сравнительно короткий отрезок времени. Называются цифры от 40 до 100 лет. Что же дальше? Альтернативных источников энергии пока не предвидится. Какими бы благими намерениями ни прикрывались планы США в отношении Большого Ближнего Востока, но в том, что в них присутствуют нефтяные интересы, нет никакого сомнения. Запасы ближневосточной и каспийской нефти составляют две трети разведанных мировых. Через этот регион пролегают основные действующие и потенциальные маршруты доставки энергоресурсов в промышленно развитые страны мира. От ситуации здесь зависят бесперебойные и стабильные поставки энергоресурсов мировым потребителям, главным из которых являются Соединенные Штаты, в требуемых объемах, причем объемы эти постоянно растут.

Вот только некоторые цифры, подтверждающие приоритет энергоресурсного фактора в реформистских планах США. По оценкам экспертов, к 2020 г. в США потребление нефти возрастет на 33%, природного газа — на 50%, электричества — на 45%. Такой спрос на энергоресурсы значительно превышает существующие возможности страны.

В опубликованном в мае 2001 г. докладе комиссии под руководством вице-президента США Чейни, которой было поручено определить условия надежной энергетической безопасности США и рекомендации которой были положены в основу новой энергетической стратегии страны, признавалось, что «США вступили в полосу энергетического кризиса». В докладе говорилось о пропасти, возникающей между разведанными запасами нефти на планете и неумным потреблением США: страна единолично поглощает три четверти добываемой в мире нефти. Уже сегодня доля импортируемой нефти в суммарном ее потреблении в США составляет 55%. К 2020 г. США будут импортировать уже 66% нефти. Поэтому следует сделать нефть «приоритетом внешней и торговой политики... уделить особое внимание России, Центральной Азии, Каспию, странам Залива, а также Западной Африки». Как видно, идея модернизации Большого

Ближнего Востока напрямую вытекает из доклада комиссии Чейни и из новой энергетической стратегии США. И эти планы отнюдь не исключают силового внедрения демократии. Пример Ирака очень нагляден. Бывший министр энергетики США Шлезингер еще в 1992 г. высказался так: «Из истории войны в Заливе наш народ усвоил одно: несравненно легче ... отправиться на Ближний Восток и дать тамошним людям пинок под зад, чем приносить жертвы ради ограничения зависимости Америки от импортной нефти».

В преддверии неизбежного истощения мировых запасов нефти монопольный контроль над регионом Большого Ближнего Востока фактически будет означать контроль над миром, обеспечивать надежную гарантию американского монополизма в будущем новом мировом порядке, гарантию того, что Вашингтон сможет беспрепятственно диктовать условия всему миру, в том числе своим основным конкурентам из числа промышленно развитых стран, притормаживать процессы возрождения в Китае, Индии, которые в перспективе могут стать их основными геополитическими конкурентами в Евразии, да и в других регионах мира. Но такой контроль немыслим без стабилизации обстановки в этом регионе, без нейтрализации действующих здесь враждебных США центров международного терроризма и без насаждения лояльных Вашингтону политических режимов в нефтедобывающих и транзитных государствах. Таким образом, если анализировать политику нынешней вашингтонской администрации по модернизации Большого Ближнего Востока под энергетическим ракурсом, то борьба с терроризмом в этом регионе предстает пусть главным, но всего лишь средством достижения основной цели, которая лежит в сфере глобальной нефтяной политики Соединенных Штатов.

Каким образом проводимая Соединенными Штатами и их западными союзниками ближневосточная политика влияет на национальную безопасность России? Это влияние многовекторно. В интересах России, чтобы в примыкающем к ее южным границам регионе установилась стабильная и предсказуемая обстановка, чтобы оттуда не поставлялись нам экстремистские и сепаратистские идеи, не шла финансовая, материальная и людская подпитка террористических организаций, действующих на территории России и южных государств СНГ и представляющих сегодня одну из главных угроз безопасности России. В наших интересах, чтобы регион Большого Ближнего Востока стал не регионом соперничества и конфронтации с западным миром, а регионом выгодного для всех заинтересованных сторон сотрудничества. Понятно, что такое сотрудничество возможно только на условиях взаимных уступок и уважения интересов партнеров. Понятно, что выполнение всех этих требований к региону требует его модернизации. И в этом отношении России, конечно, следует поддерживать идею модернизации Ближнего Востока, способствовать укреплению в странах региона демократических институтов, повышению уровня и качества жизни его населения.

Что неприемлемого для России в ближневосточных инициативах Вашингтона и проводимой им здесь политике? Что несет прямую угрозу нашим экономическим, политическим, оборонным интересам?

Во-первых, силовые методы насаждения демократии, к которым более всего склоняется вашингтонская администрация. Уроки Ирака хотя и пошли ей на пользу, но не заставили отказаться от силовых методов по отношению к неугодным США политическим режимам. Угрозы раздаются в адрес Ирана, Сирии. «Казус белли» для этих стран уже готов. Для Ирана это — военные ядерные программы, для Сирии — оккупация Ливана. Власти обеих стран обвиняются в поддержке террористических организаций (естественно, в классификации США). Конечно, продвигается тезис о массовых нарушениях прав человека в обеих странах, т. е. используется оружие, которое я бы назвал «гуманитарным». Оружие, которое помогло США одержать победу в «холодной» войне с СССР и до сих пор безотказно действовало в отношении неугодных режимов на Балканах, на территории бывшего СССР и, конечно, в регионе Большого Ближнего Востока. Нельзя считать случайным тот факт, что наибольшему давлению подвергаются страны, издавна поддерживающие дружеские отношения с нашей страной. В результате такой политики Россия теряет международный авторитет, влияние в регионе, рынки сбыта.

Во-вторых, США включают в Большой Ближний Восток страны СНГ, Южного Кавказа и Центральной Азии, т. е. территории жизненно важных интересов России. И в этих странах, как показывает пример той же Грузии, после установления послушных Вашингтону режимов сразу же усиливается военное сотрудничество с Соединенными Штатами, вплоть до размещения американских военных объектов и команд. Преднамеренно ослабляются связи с Россией. Таким образом, Россия не только выдавливается с этих территорий, но и усиливается угроза ее постепенной изоляции. Но этого мало. Уже сегодня можно рассматривать как вполне реальную угрозу отторжения от России некоторых республик Северного Кавказа, в которых влияние Москвы, может быть, не очень заметно, но неуклонно тает год от года.

В-третьих, установление Соединенными Штатами контроля над значительной частью нефтяных месторождений и маршрутами их транспортировки может нанести серьезный, невосполнимый урон экономической, а следовательно, и политической безопасности России, ее импортным нефтяным поставкам и в конечном счете даже привести к потере значительной доли суверенитета.

Давно известны планы США по так называемой диверсификации маршрутов транспортировки каспийской и центральноазиатской нефти и газа, которые, помимо всего прочего, несут в себе угрозу если не перекрыть российские маршруты трубопроводов, то значительно ослабить их значение и, соответственно, сократить поток денежных средств за их использование странами-поставщиками энергоресурсов. При этом США не ограничиваются планами постройки новых трубопроводов в западном и южном направлениях, минуя Россию. Они инициируют создание межгосударственных объединений, призванных обеспечить безопасность этих маршрутов, а заодно ослабить, если не расколоть, объединения бывших союзных республик — СНГ и Организацию Договора о коллективной безопасности. Таким объединением на западных маршрутах трубопроводов является ГУУАМ. В последнее время появились признаки того, что и на южных

маршрутах может быть создано под патронажем США аналогичное объединение стран Центральной и Южной Азии. В него могут войти Пакистан, Афганистан, Ирак и пять республик Центральной Азии. Перспектива создания такого объединения вполне реальна, тем более что и страны Центральной Азии — импортеры нефти и газа (прежде всего Казахстан и Туркменистан) — заинтересованы в выходах к океану, минуя Россию.

В заключение хотелось бы отметить, что тесная связь между американской политической модернизации Большого Ближнего Востока и национальной безопасностью России очевидна. Не все в этих планах плохо для России. Но нельзя не признать и того факта, что возможные негативные последствия для России, особенно если этого захотят инициаторы модернизации, могут перевешивать выгодные для нас аспекты.

Ближневосточный регион, безусловно, важен для экономических и политических интересов России, ее безопасности. Однако политика России здесь в последние два десятилетия, в силу как объективных, так и субъективных причин, отличается пассивностью и слабой приспособляемостью к современным реалиям, особенно в условиях динамично меняющейся региональной ситуации. Россия пока продолжает терять свое влияние в странах этого традиционно дружественного региона и все больше уступает здесь своим геополитическим оппонентам. Конечно, не все зависит от нас. Проводить свою политику в Ближневосточном регионе нашему руководству приходится в условиях не столько сотрудничества, сколько противодействия со стороны США и других стран Запада. А возможностей для проведения самостоятельной политики, особенно если она хоть в чем-то противоречит интересам западных столиц, у России становится все меньше. Но это не может служить оправданием для сдачи своих позиций в регионе Большого Ближнего Востока.

Ачкасов: Спасибо. Слово предоставляется Картунову Сергею Вадимовичу, руководителю Комитета внешнеполитического планирования.

Картунов: Спасибо, господин председатель. Я, правда, не понял, какой регламент определен для других докладчиков. Я не собирался делать основной доклад, но постараюсь соответствовать той планке, которую уже задали Леонид Григорьевич и Вагиф Алиовсатович.

Как справедливо здесь заметил Вагиф Алиовсатович, тема, связанная с национальной безопасностью, действительно безбрежна; и на такого рода конференции всегда есть опасность, что каждый говорит о своем. Но у меня есть такая скверная привычка в точности следовать названию конференции. Называется она «Национальная безопасность России: доктрина и реальность», поэтому в своем выступлении я постараюсь поговорить о доктрине и реальности. И это имеет, мне кажется, непосредственное отношение к тому, чем сейчас занимается наш Совет Безопасности. Именно он получил поручение Президента РФ выработать новую концепцию национальной безопасности. Это будет уже третья концепция, точнее, уже четвертая. Первая концепция, выработанная еще в 1992–1993 г., не была утверждена. Затем, как вы знаете, была утверждена концепция в 1997 г., затем очередной ее вариант был принят в 2000 г. Надо сказать, что

название нашей конференции очень правильно отражает состояние дел, потому что между доктриной и реальностью действительно имеется огромная пропасть. Судя по тому, как сейчас ведется разработка новой концепции, эта пропасть останется по-прежнему достаточно большой. Я говорю об этом ответственно, поскольку я принимал участие в подготовке Послания Президенту по национальной безопасности, которое было опубликовано в 1996 г., и в последующих концепциях по национальной безопасности.

Поскольку наше российское правительство, как говорят американцы, мне уже не платит семь лет, то я могу себе позволить выступать от имени экспертного сообщества и быть достаточно критическим в отношении того, что сейчас делается на этом поле. Я имею в виду подготовку концепции национальной безопасности. Готовясь к нашему сегодняшнему «круглому столу», я еще раз внимательно посмотрел ту Интернет-конференцию, которая была опубликована на сайте нашего Совета Безопасности. Интернет-конференция состояла из вопросов всех возможных экспертов и ответов Секретаря Безопасности Иванова, его сотрудников и т. д. Должен сказать, что эта Интернет-конференция меня очень огорчила. Во-первых, я увидел, что это — практически дежавю, т. е. по существу это та же пластинка, которая была озвучена еще в середине 1990-х годов, в 1995–1996 гг., когда интенсивно шла подготовка первой концепции национальной безопасности. Но прошло вот уже, наверное, 10 лет. И по существу эта Интернет-конференция говорит, что никакого продвижения, серьезного интеллектуального прорыва за эти годы нет. Более того, все, что было сделано (я об этом говорю с болью, поскольку я участвовал в этой работе и знаю, что Леонид Григорьевич тоже участвовал очень активно) тогда, все отброшено в сторону. Такое ощущение, что нынешние разработчики концепции национальной безопасности все это высокомерно отбросили, все, что тогда делалось. Все делается с чистого листа. Это, конечно, неправильно, это говорит о том, что они будут совершать те же самые ошибки, которые уже совершались на этом поприще, будут наступать на те же грабли.

Что я имею в виду? Я увидел из материалов Интернет-конференции, что разработка новой концепции национальной безопасности, к великому сожалению, к научной методологии и науке вообще не имеет никакого отношения. Должен сказать, что в середине 1990-х годов мы активно использовали проверенную методологию школы Щедровицкого. Это так называемая школа мыследеятельности, или системно-деятельностного подхода, в соответствии с которой все внутренние и внешние угрозы национальной безопасности следует искать в нашем собственном мышлении и относить за счет дефицита нашей собственной деятельности мышления. То есть, как говорил профессор Преображенский в известном бессмертном произведении Булгакова, разруха начинается, прежде всего, не в клозетах, а в головах. Я просто очень грубо обрисовываю, но это действительно отличие школы Щедровицкого.

Второй момент, который меня тоже очень настораживает в плане разработки новой концепции национальной безопасности. Она основана заведомо не на реалистическом прогнозе развития ситуации. Я бы сказал, что у нынешних разработчиков доминирует

некая философия исторического оптимизма. В частности, они исходят из того, что дела у нас в России идут хорошо, что экономика растет, что политическая и социальная стабильность полностью обеспечены, что демократические институты укрепляются, что международные позиции России в настоящий момент прочны как никогда и продолжают укрепляться, что СНГ также крепнет, что единое экономическое пространство у нас «в кармане» (по крайней мере, в отношении четырех государств: Украины, Казахстана, Белоруссии и России), что ООН — это по-прежнему эффективный механизм глобального управления, что имидж России день ото дня улучшается, и т. д. Как мы все прекрасно понимаем и на уровне экспертного сообщества обязаны просто смотреть в глаза реальности, все дело обстоит с точностью до наоборот. Если говорить о росте экономики, то известно, что это — восстановительный рост, он не предполагает и не содержит в себе никаких структурных серьезных реформ российской экономики. Стабильность социальная и политическая, как показали события января–февраля этого года, у нас на нуле. Демократия?! Думаю, только больной человек может сказать, что демократические институты у нас укрепляются. Я здесь даже не говорю о том, что американцы нас критикуют, мы должны сами посмотреть на себя изнутри. То, что международные позиции России резко ослабли за последний год–два на всех фронтах, этого, по-моему, не видит только слепой. И на американском направлении, и на европейском (мы поссорились с Евросоюзом), и на направлении СНГ. Именно в последний год, в 2004 г. Это, по-моему, совершенно очевидно. СНГ сейчас под вопросом, ООН явно деградирует, как и другие международные организации. Что касается имиджа России, то во всем мире просто стремительно, катастрофически падает вместе с имиджем нашего Президента. Я тоже говорю об этом с большим сожалением.

Если действительно разработчики новой концепции национальной безопасности (а они называют ее уже не концепцией, а стратегией национальной безопасности, хотя дело не в названии) исходят из этих оптимистичных посылок, то это — лакировка действительности, эта концепция обречена на провал. Это будет очередной проходной документ, который вряд ли поможет России, в том числе и выработать ту самую стратегию развития, о которой говорил Леонид Григорьевич.

Еще одним существенным недостатком работы над новым вариантом концепции национальной безопасности, я считаю, является то, что эта работа не основана, к сожалению, на экспертном сообществе, на потенциале нашей науки, на потенциале академического сообщества. Преобладает, к сожалению, узкий ведомственный подход. И в этом смысле вспоминается индийская притча о трех слепцах, которые подошли к слону и решили на ощупь определить, что это такое. Тот слепец, который нащупал бок слона, сказал, что это — крепостная стена; второй слепец пощупал ногу слона и сказал, что это — колонна, третий обнаружил хвост и сказал, что это — веревка, и т. д. Это говорит о том, что такой узкий подход, который преобладает сейчас, к сожалению, ни к чему хорошему не приведет и к реальности не имеет никакого отношения.

Игнорировать сегодня мнение независимых экспертов, а независимые эксперты —

это не просто те люди, которые, скажем, с самого начала посвящали себя науке, это и те люди, которые работали в системе национальной безопасности; среди московской команды практически, наверное, все работали в системе национальной безопасности, но сегодня они независимые эксперты, — и игнорировать их мнение, я считаю, это не только ошибка, но и преступление, поскольку такое игнорирование ведет не только к крушению амбиций каких-то чиновников отдельных и политиков, но может привести к серьезному сбою в системе национальной безопасности, а это, в свою очередь, может привести к массовым человеческим жертвам. Поэтому, к сожалению, новая концепция национальной безопасности будет проходным документом и не будет отвечать реальности. К сожалению, мы, наверное, обречены на многие сбои в функционировании системы национальной безопасности. А то, что эта система сейчас находится в состоянии глубочайшего кризиса, причем именно системного, структурного, а не кризиса отдельных ее элементов, совершенно очевидно, это показали события прошедшего года.

Я не хочу сказать, что надо сегодня тупо вернуться к тем наработкам, которые были сделаны в середине 1990-х годов, хотя, конечно, опираться на эти наработки надо. Понятно, что с середины 90-х годов прошлого века набрали силу новые явления, которые также должны учитываться. Я имею в виду глобализацию, кризис национальной идентичности, который сейчас поразил не только Россию, но также такие страны, как Германия, США, Франция и т.д. Об этом говорит целый ряд весьма серьезных публикаций, которые в последнее время вышли на Западе. Я имею в виду и транснациональный терроризм, как бы мы его ни квалифицировали, может быть, как Леонид Григорьевич, как инструмент определенных сил, которые собираются проводить глобализацию по своим сценариям, или как объективное явление. Я говорю о возрождении натиска мирового ислама, я говорю о деградации международных организаций: ООН, СБСЕ и др.

Поэтому, поскольку мы находимся на философском факультете, я бы хотел, опираясь на собственные исследования, на разговоры с моими коллегами, обозначить пять возможных направлений (в том числе и диссертационных) исследований, которые в первую очередь могли бы заинтересовать наших политологов и философов.

Первое, что имею в виду. Мне кажется, отдельного исследования заслуживает тема диалектики национальной и международной безопасности. Известно, что именно глобализация привела к тому, что в настоящий момент все больше стирается грань между внешней и внутренней политикой, между национальной и международной безопасностью. Конечно, эти понятия находятся в отношениях диалектического противоречивого единства.

Вторая возможная тема, которая, как мне кажется, могла бы стать предметом отдельного исследования, это — системный кризис глобального управления, имея в виду, что все существующие механизмы международной безопасности оказались неадекватными тем вызовам и угрозам, которые возникли в конце XX—начале XXI в.

Третья возможная тема, заслуживающая отдельного исследования, связана с анализом политики безопасности в контексте стратегии развития. Это то, о чем говорил

Леонид Григорьевич. Понятно, что эти две категории — безопасность и развитие — находятся в состоянии диалектического противоречивого единства между собой. В ряде случаев обеспечение безопасности сдерживает развитие, а вместе с тем, так сказать, интенсивное развитие, естественно, может представить угрозу для национальной безопасности. Вообще развитие по определению не может быть устойчивым. Это тоже один из вопросов, который, я считаю, надо обсуждать, потому что развитие — это переход от одного устойчивого состояния к другому через цепочку неустойчивости. Поэтому развитие не может быть устойчивым, безусловно, оно связано с нарушением каких-то аспектов национальной безопасности, т.е. эта отдельная тема захватывающе интересна. Я считаю, что здесь философы должны сказать свое слово, в том числе и философы СПбГУ.

Следующая тема — разработка государственной ресурсной политики. Здесь у нас нет практически серьезных исследований на уровне докторских диссертаций. Мне кажется, что разработка такой ресурсной политики — путь к укреплению конкурентоспособности России и поиску эффективной модели такой конкурентоспособности.

Пятая тема — механизмы обеспечения национальной безопасности. Такого национального механизма у нас до сих пор нет. У нас причудливый симбиоз элементов рудиментов советской системы, которая не была однозначно плоха, там существовали серьезные механизмы обеспечения национальной безопасности. Причудливый симбиоз элементов советской системы и копирование западных, в первую очередь американских, разработок, однако национального механизма у нас до сих пор нет. Это предмет для отдельного теоретического исследования.

Я считаю, что, если говорить о доктрине национальной безопасности и ее соответствии реальности, нужно иметь в виду, в первую очередь, что должна быть установлена некая иерархия документов, касающихся национальной безопасности. Должна быть политика национальной безопасности, рассчитанная на 4–5 лет, она должна быть привязана к президентскому циклу и излагаться в послании по национальной безопасности, как это делается в США. Эта политика должна быть основана на стратегии развития безопасности на 10–15 лет, американцы называют это «большой стратегией». Все это должно быть основано на концепции национальной безопасности, это 30–50 лет. Этот документ должен формулировать вечные интересы России. Пожалуй, на этом я закончу. Извините, если превысил регламент.

Ачкасов: Спасибо. Переходим к короткому циклу вопросов. К тем, кто собирается задавать вопросы, просьба представляться и говорить, кому из трех докладчиков вы адресуете свой вопрос. Пожалуйста.

Сморгунов: Профессор Сморгун, СПбГУ. Первый вопрос я хотел бы задать Леониду Григорьевичу. Несколько дней тому назад по нашим СМИ озвучили вывод, который был сделан Генеральным штабом наших ВС, что непосредственной угрозы для России сегодня нет. Я бы хотел спросить об отношении к этому выводу. Вы, наверное, можете сказать о том, на каких основаниях были сделаны такие выводы. Это первый вопрос.

И второй вопрос. Ясно, что мы живем в условиях действительно опасного мира, это подтверждают не только исследования социологические, но и философские.

Старый мир базировался на противоборстве двух систем, на идее ядерного сдерживания. Что понимается под системой безопасности сейчас? На какой основе она должна строиться? Вы перечислили 5 пунктов, но они касаются очень общих вещей. Естественно, нам нужны союзники, естественно, люди должны быть мобилизованы, если нет безопасности. Хотя мы можем понимать безопасность в разных смыслах и т. д. Что является столпом современной системы безопасности? Спасибо.

Ивашов: Что касается первого вопроса. Классическое определение Генерального штаба — это мозг армии, где-то говорят, мозг нации. Сегодня у России этого мозга нет. Все остальное присутствует, мозг закончился. Филолог, я не в обиду говорю, возглавляет в целом все военное ведомство. Юрий Николаевич, я знаю, из подполковников, он хороший оператор, добросовестный; ему приказали, он что угодно нарисует. Но мозг армии сегодня закончился или, по крайней мере, находится за стенами военного ведомства, и положил начало этому наш уважаемый господин Путин. Путин! Первый указ по военному ведомству, сразу после первой майской инаугурации, заключался в том, что всю верхушку (так назовем) военного ведомства, 56 человек, он освободил от занимаемых должностей и допустил к временному исполнению обязанностей. А назавтра чиновники, которые не имеют даже лейтенантского звания и солдатами в армии не служили, вызывают генерал-полковников и просят рассказать, как они видят будущее армии. В первый же год после этого указа 9 генерал-полковников, которые отстаивали свои убеждения, были уволены, потом и остальные, т. е. произошла чистка. Есть несколько извилин, но это не мозг.

Что касается второго вопроса, что мир базировался на ядерном сдерживании. Вы знаете, я не соглашусь. Когда-то я тоже стоял на этих позициях, но сегодня, занимаясь геополитикой, мы видим, что мир стоял на других основах. Ядерное сдерживание — это один из факторов поддержания мира, но не самое главное. Был достигнут межцивилизационный паритет, мы говорим, между Москвой и континентальной цивилизацией, между двумя альтернативами. Паритет этот начинался с политического престижа, когда Советский Союз после победы в Великой Отечественной войне доминировал. Вторых, социалистическая идея была очень привлекательной. Сегодня мы не случайно, так сказать, набив шишки, возвращаемся к ней. Ну и, безусловно, был военный паритет, мы уж не говорим там о науке, культуре и т. д. Вот эта социалистическая система являлась мощным конкурентом и, по крайней мере, имела паритетное соотношение потенциалов совокупных. И только в этих ситуациях (это во всей мировой истории), когда между системами или государствами достигается паритет, тогда можно выходить на нормальное формирование нормальной системы отношений. Когда был достигнут паритет, и Устав ООН, и в целом система международной безопасности, и международное право были сформулированы на справедливых принципах. Сегодня это рухнуло, и никакой наш ядерный паритет не сдержит ту экспансию, агрессию, о которой мы сегодня говорили.

Сморгунов: Хорошо, спасибо. Ну а что же, на ваш взгляд, должно лежать в основе современной системы? Есть глобальная тенденция, как вы ее оцениваете с точки зрения борьбы идей?

Ивашов: Во-первых, у нас наработки хорошие. Мы проводили международную конференцию в рамках нашей Академии и, знаете, получили достаточно интересный отклик о необходимости формирования геополитического континентального блока, т. е. союза по духовным основаниям прежде всего и союза (это не военный какой-то там агрессивный блок), который мог бы препятствовать тем процессам, о которых мы сегодня говорим. Знаете, даже будучи на службе, я эту идею продвигал в практическое русло. Чтобы организовать сотрудничество, мы долго работали с китайцами, Евгений Максимович Примаков подхватил, министр обороны Сергеев... И мы стали формировать четверку, предложили четверку столпов нового геополитического образования: Россия, Индия, Китай, Иран. Даже эмблему сделали (реки). И вы знаете, на удивление (ну, индусы, как всегда, долго думают) Китай и Иран поддержали, Индия была не против. Мы начали ее реализовывать через Шанхайскую организацию сотрудничества, изменив сущность и характер Шанхайской пятерки, радикально, кардинально изменив. В целом, когда мне Евгению Максимовичу приходилось доказывать, он говорил: «Против Китая ничего не имею, он наш сосед и сегодня союзник... А Китай вот там не задавят»? Я говорил: «Евгений Максимович, давайте подумаем, кто в этом союзе (это я говорю только о столпах союза, вокруг которых основываются большие межгосударственные сообщества) будет лидером»? Он в ответ говорит: «Безусловно, Россия, ее открытость и ее широкая душа, открытость ко всем цивилизациям. С учетом отношения между остальными тремя». Вы понимаете, это один только вопрос. Союз?! У нас никогда не будет союза с НАТО или США. В основе долгосрочных союзов всегда должны лежать духовные основания! Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Коллеги, пожалуйста, кто еще? Просьба формулировать вопросы, не суждения, а вопросы. Короткие и четкие. Пожалуйста.

Карцов: Карцов, доцент факультета международных отношений СПбГУ. Ко всем уважаемым докладчикам будет мой вопрос. Здесь говорилось о тех негативных явлениях, которые переживает и национальная безопасность, и международная, указывались и подходы к этой проблеме, положения. Леонид Григорьевич говорил о надежде на здоровые государственные силы, элементы и т. д. Вопрос следующий. Заключается ли проблема только в человеческом факторе? Или все-таки здесь проблема лежит и в институциональной плоскости, плоскости выработки внешнеполитических решений в современной России? И, соответственно, каким видится реальный механизм принятия внешнеполитических решений в современной России, если он есть, конечно, штабное влияние и т. д. И каким видится оптимальный механизм?

Гусейнов: Я отвечу коротко, полагаю, что со мной согласятся все участники, что Россия располагает огромными интеллектуальными ресурсами, как бы мы ни сожалели о многих наших промахах, провалах и т. д. Надо отметить, что у меня складывается впечатление, что не все эти ресурсы привлечены и задействованы в выработке вот тех

проблем, основ, концепций, о которых Вы говорите. Я глубоко в этом убежден. Я до Вашего вопроса господину Солонину рассказывал о том, что, по моему мнению, одно из немногих ведомств страны, МИД, сумело сохранить за эти годы катавасии (что творилось в стране!) свой кадровый потенциал не потому, что им хорошо платили, что их лелеяли и ласкали, а потому, что там столетиями, я возьму на себя смелость сказать, складывался тот кадровый потенциал, в том числе и наследственный, в котором из рода в род, из поколения к поколению росли карьерные дипломаты и не изменили, несмотря на все трудности. Насколько я знаю из бесед со многими дипломатами, их востребованность, к сожалению, крайне низка, не всегда кадровый потенциал нашего МИДа привлекается к выработке внешнеполитических отношений.

Ивашов: Значит, на первый вопрос: наверное, все в совокупности человеческого и социально-институционального кризиса является главным фактором того, что происходит. Посмотрите, что за правительство (!), которое год существует, но еще никак не настраило свои институты. До сих пор, например, авиационно-космическую промышленность делят, кто там отвечает. То есть несовершенство институтов управления процессами и отраслями.

И второе. Вот давайте зададим себе вопрос. Вот правительство, есть министры, руководители агентств и т.д. Среди министров профессионала... Наверное, отрасль, так по моему разумению, должен возглавлять самый опытный, талантливый и профессионально подготовленный человек. Это значит, что он по ступенечкам должен пройти и т.д. Вагиф Алиовсатович называл МИД, я еще назову одно министерство, где профессионалы, транспортное наше, особенно железнодорожная составляющая. Там и Фадеев сохранен, и Ливитин (?) тоже пришел из этой системы, пусть и военной. А дальше?! Кто из министров является профессионалом своего дела? Зурабов имеет фельдшерское образование, возглавляя министерство здравоохранения. Христенко цехом хотя бы руководил где-нибудь? Шойгу более или менее сложился как профессионал. Да, он вырос, не будучи профессионалом, он вырос до профессионала. Когда вот так помотришь, удивительная ситуация, что непрофессионалы занимают какие-то должности. Посмотрите! За кремлевской стеной в Администрации то же самое. Какой оптимальный вариант сегодня? Мне кажется, это — отдельная дискуссия, потому что никто сегодня не ответит, какая политическая система должна быть в государстве. Вот у нас есть в Военно-государственном союзе и в Академии свое видение. Госсовет должен быть высшим органом, должен быть Высший совет по экономике, Совет Безопасности с совершенно другими функциями и т.д. Наверное, все мы и правы, и в то же время неправы, поэтому нужна серьезная профессиональная дискуссия. Спасибо.

Кортунов: Я, наверное, скажу резче всех, поскольку отвечу прямо на заданный вопрос. Эффективного механизма принятия и реализации внешнеполитических решений в России нет сейчас. Как известно, в СССР такой механизм существовал. Это была Межведомственная комиссия при ЦК КПСС. С участием всех основных ведомств эта Комиссия принимала коллегиальные решения. Конечно, она занималась в основном вопроса-

ми разоружения и переговорами по сдерживанию гонки вооружений, но и другими вопросами тоже. С тех пор ничего даже близкого по эффективности в России создано не было. Если говорить о МИДе, к сожалению, и мы все это видим сейчас, на протяжении 1990-х годов особенно это было заметно, очевидно, МИД не является ключевым субъектом принятия и реализации внешнеполитических решений. Мы видели, как принимались такого рода решения по Грузии, по Абхазии, по Украине. Мы видели, что решения принимал не МИД. МИД потом разводил руками, а решения почему-то принимались людьми, которые никакого отношения к внешней политике не имеют. Это, в частности, один из заместителей руководителя, мы все его знаем. Никакого отношения к дипломатии, внешней политике, международной деятельности даже по своим функциональным обязанностям он не имеет. Мы видели наших политехологов (уважаемых? да!): Павловского, Маркова. Они принимали решения. Получается так? И всем это было заметно. МИД к этому никакого отношения не имел, к сожалению. Весь профессионализм МИДа, который я уважаю, он в данном случае не был даже востребован. Поэтому получается, что в отношении стран ближнего зарубежья, которые являются иностранными государствами (как бы мы к этому ни относились), мы реализуем потенциал людей, которые к внешней политике не имеют отношения. К сожалению, Совет Безопасности РФ также не стал таким субъектом выработки, принятия и реализации решений по внешней политике. Я говорю об этом с большим сожалением. Поэтому сейчас, после работы в Экспертном Совете Совета Федерации могу вам сказать, что мы сделали попытку выработать законопроект о порядке принятия внешнеполитических решений. Этот законопроект был направлен во все регионы РФ, во все ведомства. Мы получили массу замечаний, переработали его, и, видимо, летом этого года пройдут слушания в Государственной Думе и Совете Федерации, в ходе которых этот законопроект будет слушаться. Результат не ясен, поскольку, конечно, многие ведомства, в том числе, кстати говоря, и МИД, тормозят все попытки навести порядок в этой области.

Ачкасов: Коллеги, есть еще вопросы? Так, пожалуйста, последний вопрос.

Радиков: Сергей Вадимович, вам вопрос. Вы сформулировали в своем выступлении суждение о том, что Россия получит, вероятно, ущербную концепцию национальной безопасности. В этой связи вопрос. Означает ли это, что она иную получить не может в данный момент, сейчас? И второй вопрос. Не кажется ли Вам, причина тому — отсутствие в России серьезной выверенной теории национальной безопасности, а ее причина коренится в известной отстраненности научного сообщества от создания ее?

Кортунов: Мне кажется, что ваш вопрос содержит и ответ. К сожалению, сейчас власть не прислушивается к экспертному сообществу. И, кстати говоря, когда мы выработывали подобного рода документы в середине 1990-х годов, мы действительно слушали экспертное сообщество, мы проекты документов пропускали через международные открытые конференции с участием 100–150 экспертов. И потом на этой основе двигались дальше; ничего подобного сейчас не происходит. Но, возможно, Вы правы в том, что само экспертное сообщество недостаточно активно инициирует постановку всех

этих теоретических вопросов, поэтому в своем выступлении я постарался обозначить пять тем, к которым абсолютно необходимо подключить именно наше экспертное сообщество, не только московское, а все университеты, все научные центры.

Ивашов: Я Сергея Вадимовича дополню. Это как раз то, о чем я говорил. Увод на ложную цель. Вот сейчас Совбез абсолютно не выполняет те функции, которые он обязан выполнять, и сейчас все общественное внимание на какую-то концепцию. Есть три основополагающих документа, где действительно ряд положений является результатом компромиссов, но, тем не менее, это — концепция национальной безопасности, концепция внешнеполитической деятельности, военная доктрина. Вот мы вместе все работали, я говорю, что не все там чисто, гладко, потому что не всё мы знали, и где-то еще компромиссы... Но никто не спрашивает, как они выполняются, почему нужно что-то менять. Если что-то менять, есть процедурное известнейшее правило. Вноси в эту статью, это положение поправку и все, а теперь вся страна будет жить надеждой на новую концепцию, которая абсолютно лучше не будет. Генштаб, начальник Генштаба заявляет: «Нет угроз, тогда зачем нужно укрепление и все прочее»?! Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Уважаемые коллеги, делаем очень короткий перерыв до пяти часов, затем выступления экспертов. Просьба не опаздывать после перерыва и не устраивать здесь некий хаос.

...
Наш «круглый стол» продолжается. Я предоставляю слово питерскому коллеге, профессору Ланцову Сергею Алексеевичу.

Ланцов: В публичной науке проблема безопасности, международной и национальной, обсуждается все последние годы. Действительно, мир современный, вопреки соответствующим прогнозам 20-летней давности, безопаснее и лучше не стал... Вся проблема в том (в дискуссии выпало это), что безопасность имеет классическое измерение, связанное с военными угрозами, а также с новыми угрозами, которые возникли в последние десятилетия, которые остаются и укрепляются. Конечно, нужно учитывать как классические концепции, так и современную реальность. С одной стороны, несомненно, государство всегда будет заботиться о внешней безопасности, стараясь исходить из того, что может иметь место внешняя военная угроза, т.е. военный для того и является военным, чтобы такие угрозы предвидеть и их предотвращать. В принципе, здесь никто расслабляться не может, все должны выполнять свои обязанности, свой долг, из него исходить. В этом плане Россия, конечно, сталкивается с такого рода угрозами. Гипотетически пусть и одна сотая процента такой угрозы есть, но ее исключать никто все равно не имеет права. Одновременно здесь нужно учитывать угрозы современные и проблему терроризма не надо так отбрасывать, говоря о том, что она навязана современной конъюнктурой. Да, есть конъюнктурный подход, связанный с тем, что проблему терроризма трактуют зачастую расширенно. В этом смысле терроризм в каждой стране свой, террористическая угроза в каждом случае имеет свое проблемное определение, но при этом есть и общие моменты, связанные с борьбой с этой угрозой, и есть

трудности, характерные для всех стран, где эта угроза встречается. Это тоже нужно иметь в виду.

Но нельзя забывать и о таких проблемах безопасности, которые связаны с понятиями «мягкой» безопасности, безопасности экологической, экономической и информационной, это и угроза преступности, о чем здесь уже речь шла, о наркоторговле... И в этом смысле РФ как страна, занимающая уникальное геополитическое положение, как страна, весьма своеобразная по своим людям, своим традициям в истории, сталкивалась практически с любым видом угроз, которые в современном мире существуют. Мы не Швеция и не Швейцария, у нас есть угрозы и внешние, и связанные с терроризмом, преступностью, угрозы, которые порождаются особенностями нашего политического, экономического развития в последнее время. В этом смысле точно прозвучало сегодня, что нестабильность социально-политическая, как ни странно, присутствует в стране, о чем стали забывать. Россия по-прежнему сталкивается с проблемами бедности, социальным конфликтом, которые мы еще, очевидно, будем видеть в ближайшее время.

И вот здесь, когда речь заходит о путях обеспечения безопасности, нужно иметь в виду, что ресурсы государства и общества никогда не являются безграничными. В этом смысле увлечение какой-то одной опасностью, перенесение всего внимания на какую-то одну угрозу может негативно сказаться в целом на обеспечении безопасности государства и общества. Нужно помнить о таких угрозах безопасности западным странам, которые потребуют отвлечение ресурсов в таком объеме, что сделает дальнейшее повышение уровня жизни в этих странах невозможным; этот уровень жизни скатится в XXI в. на уровень 50-х годов XX в. Россия может раньше оказаться в такой ситуации, поэтому при подходе к вопросу безопасности нужно, конечно, взвешивать возможности и ресурсы. Не все можно сделать одновременно и сразу же, но в этом плане необходимо, например, поддерживать ядерное сдерживание, никуда от этого не уйдешь. Это останется вопреки иллюзиям о безъядерном мире, но его надо поддерживать в определенных пределах. Нельзя опускать дальше того предела, который может все изменить. Например, снижение уровня нашего стратегического ядерного запаса ниже определенного уровня может, наоборот, спровоцировать соответствующие враждебные действия и стать причиной дестабилизации ситуации, породить угрозу саму по себе.

Поскольку времени у нас мало, я в целом призываю при подходе к вопросам безопасности исходить из необходимости баланса между разными видами угроз, которые есть. Нужно исходить из наличного вида ресурсов, которые помогут в борьбе с ними.

Ачкасов: Спасибо, Сергей Алексеевич. Вы крайне пунктуальны. Следующих выступающих я призываю продолжить эту традицию. Слово предоставляется Денисову Алексею Петровичу, заместителю директора ИСОА. Пожалуйста.

Денисов: Спасибо. Приятно, что питерское сообщество включилось в обсуждение проблем национальной безопасности с организацией такого «круглого стола». Действительно, некоторое время назад Президент дал поручение Секретарю Совета Безопасности разработать новую концепцию, или, как они ее называли, стратегию национальной

безопасности. Я хотел бы подчеркнуть то, что наряду с тем документом, который есть на сайте Совета Безопасности и который вызвал такое негодование со стороны Сергея Вадимовича, есть Интернет-конференция. Там содержится информация о трех «круглых столах», которые были проведены в МГУ, в отделении экономики РАН и в СПИ РАН по этим же примерным проблемам, поэтому мы приветствуем, что питерцы в это дело включились, и с удовольствием будем учитывать мнение вот в этом плане.

Меня тоже учили читать повестку дня, поэтому я буду больше касаться вопросов соответствия доктрины и реальности. Не секрет, что после 1991 г. все изменилось, поэтому время потребовало создание таких концептуальных документов. Первой концепцией, одним из главных документов, который положил начало формированию российской правовой базы РФ, был Закон РФ «О безопасности» 1992 г., который сейчас, хотя он и устарел в ряде своих положений, но действует до сих пор с изменениями 93 года и с изменениями 2002 г. Второй документ, который был разработан, если говорить о некотором историческом аспекте, это была концепция внешней политики РФ, одобренная на Совете Безопасности 3 марта 1993 г. Должен отметить, что это был довольно продуманный и взвешенный документ, многие положения которого были использованы в разработанных позднее и ныне действующих концепциях внешней политики, утвержденных Президентом в июле 2000 г. Тогда же были разработаны основные положения военной доктрины, этот документ был рассмотрен Советом Безопасности, но не был принят, поскольку там были достаточно спорные положения о применении первыми ядерного оружия. В чередке этих документов был утвержден еще один, так называемая Доктрина информационной безопасности, которая была утверждена Президентом России в 2000 г.

Разрабатывался, на самом деле, целый ряд других документов, была Доктрина экономической безопасности, где был выведен целый ряд пороговых значений, на которые учеными-экономистами рекомендовалось опираться при принятии решений. Например, был введен такой порог: разница в доходах 10% наиболее обеспеченных и наименее обеспеченных не должна превышать 15, т.е. считается, что это — некий порог, за которым возникают проблемы с национальной безопасностью. Если ВВП меньше 1%, высокотехнологичные продукты не выпускаются, то это тоже опасно. Там другие вещи достаточно интересно были сделаны, что было введено Указом Президента. Есть на что опираться, на какие-то цифры, на которые можно посмотреть.

Сергей Вадимович упоминал: первый вариант концепции национальной безопасности начал разрабатываться примерно в те же сроки. В 1993 г. основная работа была проделана еще в бытность Секретарем Безопасности Лобова, но потом чеченские события, события осени 1993 г. отодвинули эту работу. Первый вариант концепции был утвержден в декабре 1997 г., когда секретарем Совета Безопасности был Рыбкин Иван Петрович. Потом эта редакция, неприципиально обновленная, была утверждена и.о. президента России Путиным в январе 2000 г.

Какие же выводы можно было бы сделать из опыта работы над концепцией национальной безопасности и частными документами по отдельным направлениям? Отвеча-

ли ли эти документы тем реальностям, которые складывались на территории РФ и внешнем пространстве? Думаю, если исходить из таких основополагающих принципов, которые в них закладывались, то на этот вопрос нужно ответить утвердительно. Все-таки, во-первых, в этих документах был закреплен принципиально иной подход к вопросам безопасности, т. е. безопасности личности, безопасности общества, безопасности государства, такая иерархия была построена. Во-вторых, иной подход был осуществлен к оценке угроз, их весовым коэффициентам. Это касалось и угроз ядерной войны, и переоценки приоритета угроз внешних и внутренних. Акцент делался на то, что внутренняя угроза, так сказать, в тот период была более опасна для России. В-третьих, в концепции национальной безопасности особое внимание уделялось СНГ, была сделана попытка не только концептуально осмыслить и закрепить те кардинальные изменения, которые произошли на территории СССР, но сгладить некоторые негативные последствия от распада страны, разрыва единого внутривнутриполитического хозяйства, оборонного пространства. В-четвертых, отвергалась идея противоборства, противостояния с теми странами, которые во времена СССР, Варшавского Договора рассматривались как главные вероятные противники. Да и само понятие «вероятный противник» было из лексикона этих документов убрано.

В целом для условий того времени разрыв между доктринальными установками и реалиями был в какой-то мере минимизирован. Что касается недостатков, присущих этим документам, то, конечно, следует отметить, что в этих документах порой идеализировалась, действительно, обстановка, складывающаяся после завершения «холодной войны» вокруг России в целом в мире. И достаточно корректно оценивалась политика ведущих держав мира и военно-политических блоков по отношению к России и странам СНГ. Вольно или невольно, но завышались роли и возможности России. Не учитывались прозападные устремления политических элит стран СНГ и т.д.

Думаю, что сейчас разрабатываемая концепция, или стратегия, национальной безопасности должна, собственно говоря, исправить эти недостатки. Теперь все-таки надо будет сказать, что изменившиеся условия привели к тому, что разрыв между доктринальными установками и реальностью заметно увеличился. Это, безусловно, требует пересмотра этих документов. Коллеги, вот, собственно говоря, все, что я хотел сказать по этому вопросу. Я думаю, что помочь Президенту создать действительно новую концепцию, отвечающую современным условиям, это как раз задача всего экспертного сообщества.

Ачкасов: Спасибо, Алексей Петрович. Пожалуйста, профессор Гуторов Владимир Александрович.

Гуторов: Я не готовил какого-то специального доклада. Поэтому мне хотелось бы кратко остановиться на некоторых вопросах, затронутых в сегодняшней дискуссии. Я полностью согласен с высказанными только что мнениями относительно необходимости внести существенные изменения и коррективы в политику национальной безопасности. Но, честно говоря, мне сегодня не хочется быть особенно серьезным, говоря о

серьезных вещах, иначе можно немножко пересолить. Скажите мне откровенно, как можно разрабатывать концепцию национальной безопасности, когда в настоящее время, согласно данным российского бюджета 2005 г., доходы страны меньше, чем доходы компании «Пепси-кола», а расходы в четыре раза меньше военного бюджета США? У правительства нет даже денег, чтобы расплатиться с пенсионерами! Если этого аргумента недостаточно, пусть господин Зурабов возглавит министерство обороны и Генштаб одновременно, тогда безопасность государства российского будет наконец-то надежно обеспечена! Таким образом, мы должны, прежде всего, гарантировать ресурсы для реализации новой концепции безопасности, а потом уже рассуждать о том, как именно она будет претворяться в жизнь.

Вагиф Алиовсатович позволил себе экскурс в историю. Я тоже хотел бы последовать его примеру. Из этого примера станет ясно, что процесс утраты посткоммунистической Россией своего оборонного потенциала начался очень рано, т. е. сразу после прихода Ельцина к власти. Это случилось в 1992 г., когда один из моих друзей, заведовавший кафедрой в Нижнем Новгороде (я не буду называть никаких имен), пригласил меня побеседовать с группой американцев. Их было пятеро. Я думал, это будут, как обычно, американские профессора-гуманитарии, поскольку в те времена такого рода встречи стали вполне традиционными. Мы встретились в Сестрорецке в ресторане. Каково же было мое удивление, когда вместо политологов я встретился с тремя американскими генералами и двумя адмиралами в отставке. Еще интереснее оказался для меня тот факт, что они только что вернулись из Нижнего Новгорода, где обследовали наши оборонные предприятия. Это сразу вызвало у меня легкий шок. Я спрашиваю: «А где вы уже успели побывать в нашем городе»? И в ответ услышал: «А мы были на объединении “Арсенал”». Как известно, значение этого объединения для обеспечения военной безопасности России трудно переоценить. Уже этот казавшийся мне необъяснимым факт шокировал в достаточной степени. В 1992 г. такая представительная делегация обследует наши оборонные объекты! Но далее разговор пошел уже на более близкую мне тему. Один из экс-адмиралов без всяких обиняков заметил: «Соответствующая сенатская комиссия рассматривает вопрос о выделении 300 млрд долл. в долгосрочной перспективе для ликвидации советского ядерного арсенала. Что вы об этом думаете»? Я был уже настолько шокирован, что попытался отшутиться следующим образом: «Давайте сделаем так: передадим посредничество Ирану. Тогда мы все будем выступать в роли равных партнеров и решим, какие именно оборонные объекты должны быть уничтожены на территории обеих стран для сохранения взаимного ядерного паритета». Надо сказать, что моя шутка не была оценена должным образом; они заявили, что русский профессор мог бы быть и более серьезным в столь важном вопросе. Вообще-то мне никогда не было свойственно компрадорское мышление. Однако в дальнейшем я встречал столько компрадоров среди отечественной интеллигенции, в том числе и среди парламентариев, возглавлявших думские фракции, которые (я несколько в этом не сомневаюсь!) охотно бы поддержали точку зрения американской военной делегации уже в 1985 г.

Почему мне именно сейчас вспомнилась эта давняя история? В прессе и на телевидении постоянно озвучиваются намеки на то, что Владимир Владимирович Путин недавно успел в последний момент поменять ядерные коды на пусковых установках, после того как с американцами возникли очередные трения. Стало быть, старые коды пусковых установок наших ядерных ракет были уже известны американцам, коль скоро российский президент был вынужден их менять? Нужен ли тогда вообще столь знаменитый ядерный чемоданчик?

Второй вопрос. Это, конечно, отношения с союзниками. Например, бывая в Германии еще в советские годы и наблюдая, какого уровня экономического благосостояния достигла Западная Европа, я постоянно отмечал еще одну весьма характерную деталь, а именно панический страх западных европейцев перед угрозой ядерной конфронтации с Россией. Поскольку Америка, как уже правильно было сказано, все же имеет возможность до известной степени «отсидеться» за океаном и потерпеть если и серьезный, но не абсолютный ущерб, то гарантированное уничтожение Западной Европы всегда представлялось всем бесспорным. В этом плане, как я полагаю, вопрос о сохранении нашего ядерного потенциала является ключевым. Уважаемый Леонид Григорьевич! Конечно, геополитическая составляющая очень важна, но, тем не менее, как вы и сами видите, американцы почему-то бьют в одну точку. Их волнует контроль над российским ядерным оружием во имя гарантированного обеспечения и собственной безопасности, и безопасности своих западноевропейских союзников. На всех сколько-нибудь значимых международных встречах (например, в Братиславе) они выдвигают именно это требование.

Заканчиваю тем, с чего начал, с проблемы ресурсов. Я имею в виду не только те экономические ресурсы, которые захвачены кучкой олигархов (я не желаю сейчас этих людей как-то характеризовать). Эти ресурсы, естественно, должны быть национализированы. Второй момент. Это человеческие ресурсы. Они играют важнейшую роль в развитии научного и технического потенциала. Ресурсы — это, прежде всего, люди, которые умеют ими рационально пользоваться. Когда уничтожается высшее образование, когда приватизируются академические институты, наносится непоправимый ущерб и безопасности нашей страны! О какой же концепции национальной безопасности мы можем говорить, если мы теряем сами себя?! Только что в Таллине мы встречались с одним из ведущих западноевропейских политологов Жаном Блонделем. Характеризуя сложившуюся в России ситуацию, он очень правильно сказал: “It’s up to the Russian people”, т.е. это зависит от русского народа. Спасибо.

Ачкасов: Слово предоставляется Гаман-Голутвиной Оксане Викторовне.

Гаман-Голутвина: Прежде всего, уважаемые коллеги, позвольте мне поблагодарить за приглашение принять участие в сегодняшнем семинаре. Я очень рада видеть в этой аудитории коллег из Санкт-Петербурга, с которыми меня связывают не только годы сотрудничества, но и годы искренней дружбы.

Уважаемые коллеги, конкуренция с мужчинами в сфере обсуждения военно-

политических проблем, наверное, не самая оптимальная для пока единственной женщины, которой предоставили сегодня слово, поэтому, если позволите, я бы обратилась к более близкой для меня теме и восприняла бы призыв Вагифа Алиовсатовича к обсуждению методологических философских аспектов проблем безопасности, прежде всего в рамках проблемы субъекта национальной безопасности и проблемы субъектности в целом. В столь представительной и уважаемой аудитории позвольте мне тезисно и кратко изложить в назывном порядке ряд тезисов по этой теме.

Тезис первый. Распад вестфальской модели мира и ялтинско-потсдамская система международных отношений сопровождались не только перекраиванием границ, но и радикальным изменением номенклатуры субъектов мировой политики: государство утратило монополию в качестве субъекта мировой политики, и на арену мировой политики вышла широкая гамма (начиная от ТНК и заканчивая НПО).

Второй тезис. Такое радикальное изменение сопровождалось достаточно закономерным, но крайне негативным средством, изменением роли международного права в качестве регулятора международных отношений. Закономерно, потому что международное право родилось как регулятор применительно как раз к вестфальской модели мира. Крушение этой модели мира повлекло за собой, увы, эрозию и кризис международного права в качестве регулятора.

Следующий тезис. Изменилась не только номенклатура субъектов мировой политики, способы их организации и технологии взаимодействия, имеется в виду широкий спектр процессов, назову только один. Наиболее короткой формулой можно обозначить его вот таким образом: переход от иерархической и характерных для нее технологий взаимодействия к сетевым принципам организации культуры и соответствующим технологиям взаимодействия.

Следующий тезис. Естественным следствием этих сущностных, структурных и технологических изменений стало существенное изменение системы угроз. Понятно, что если меняется технология взаимодействий, меняются и угрозы. Наряду с традиционными угрозами (обычное ядерное вооружение), наряду с относительно новыми информационными и психологическими механизмами появился новый класс угроз, об этом отчасти только что говорил коллега Ланцов, спектр этих новых угроз очень широк. Примером самым свежим является технология «бархатных» революций, которые были применены не только в Грузии и Сербии, но первым, с моей точки зрения, прецедентом использования этих технологий стала Румыния в декабре 1989 г.

Следующий тезис. Состояние безопасности РФ характеризуется снижением потенциала отражения традиционных угроз обычных и ядерных вооружений как вследствие технических характеристик их ухудшения, так и вследствие технологий изменений механизмов их контроля, в том числе и международного, о котором говорил Леонид Григорьевич Ивашов. Это — первая позиция, а вторая позиция заключается в моей солидарности с тезисом Сергея Картунова о том, что у нас не только есть отрыв между реальностью и концепцией, но, как мне представляется на мой непросвещенный военно-

политический взгляд, концептуально не осмыслена система новых угроз, не говоря о разработке технологий и методов противодействия этим новым угрозам. Опять самый свежий пример — это события на Украине, которые симптоматичны как минимум в трех аспектах: в аспекте изменения безопасности в сфере сопредельно близких пространств, как прецедент использования новых технологий, в данном случае «бархатных» революций, как пример крайней разбалансированности механизмов принятия внешнеполитических решений. Украинские события показали, что такого механизма фактически не существует либо путь выработки внешнеполитических решений монополизирован структурами и людьми, которые не имеют, не должны, во всяком случае, быть первой скрипкой в этом процессе. Является ли такая ситуация в сфере безопасности неким частным случаем, частной проблемой либо это есть частное проявление некоторой общей ситуации, общей закономерности.

С моей точки зрения, правомерен второй вывод. Ситуация в сфере безопасности является частным проявлением общей тенденции, которую я бы назвала десубъективизацией политического класса России в целом и, в частности, в сфере национальной безопасности. Кратко ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: произошло разведение функций политического актора и политического субъекта. Политический класс России, оставшись политическим актором, чья деятельность влечет за собой институциональные изменения, перестал быть субъектом. Субъектность, с моей точки зрения, предполагает не только некие институциональные изменения, но также обязательно наличие своего собственного большого проекта. Несколько слов о причинах этой ситуации. Причина первая: Россия — традиционно государство-центричное образование. Милюков был прав, когда писал, что если на Западе общество создавало государство, то в России государство создавало общество. Крушение государство-центричной модели мира сопровождалось очень значимыми трудностями для России в смысле встраивания в эту новую постмодернистскую, постсовременную картину реальности, в частности поствестфальскую систему организации международных отношений. Это первая трудность.

Вторая трудность заключалась в том, что уменьшение роли государства в России в постсоветский период не сопровождалось реальным переходом власти к институтам гражданского общества. Фактически общество оказалось «третьим лишним» на пиру экономических и политических элит, а процесс, шедший под лозунгами демократизации, оказался революцией элит. Что касается общества, то, как высказался один из моих коллег, кролики думали, что их будут кормить, прощу прощения, а их разводят.

Говоря о десубъективизации, конечно, прав Владимир Александрович. Каждый народ имеет правительство, которое он заслуживает, но все же речь идет о политическом классе, который призван быть субъектом концептуальной стратегии. Ситуация сегодня характеризуется не только и не столько отказом от проекта, как отказом от проектности в целом. Аргументируя этот тезис, сошлюсь на последнее по времени исследование в области процессов формирования и ротации политического класса в нашей стране. Я

была научным руководителем исследований, которые называются «Самые влиятельные люди России». И еще на книгу сошлюсь (объясню почему): «Властные лица современной России». Я с удовольствием упоминаю это издание, поскольку не просто санкт-петербургские коллеги были участниками этих проектов, но в том числе те, которые присутствуют в этом зале, о чем я с особым удовольствием говорю. Наши исследования проводились на федеральном и региональном уровне (региональный аспект здесь достаточно основательно представлен, поскольку из регионов из 89 мы включали в орбиту нашего исследования 66). Эти исследования показывают, что идея развития проектности фактически сегодня не является ценностью для политического сознания российского правящего политического класса, впрочем, к сожалению, как и для населения. Причин этой ситуации очень много. Несколько просто перечислю. Проектность предполагает три составляющие: само концептуальное наполнение проекта, избыточная энергетика населения (то, что Гумилев называл пассионарностью), эффективные технологии конструирования элиты. Вот самые большие проблемы у нас как раз с третьим компонентом, с эффективностью политического класса. И ключевая проблема заключается в том, что в исторической перспективе российский политический класс формировался в соответствии со служилым принципом, привилегией за службу, который определял временные привилегии за несение службы государству. Но эта же ситуация определяла сугубо служебное положение политического класса, когда он оказывался «между молотом и наковальней», когда он оказывался между верховной властью и массовыми группами населения. Эта проблемная ситуация побуждала политический класс России стремиться к конвертации временных привилегий. В этом смысле советская номенклатура не является никаким изобретением, она просто выступает модификацией того служилого класса, который сложился еще в Московском государстве. Эта временность привилегий побуждала российский политический класс конвертировать их в привилегии постоянные. Троцкий был прав, когда сказал, что привилегии имеют половину цены, если их нельзя оставить в наследство детям. Платой за обретение политическим классом России статуса полноценной элиты с постоянными, не зависящими от службы государству, привилегиями стала утрата субъектности этим классом и государством в целом.

Нельзя не упомянуть также...еще полторы минуты, если можно...

Ачкасов: Единственная женщина из всех выступающих, полторы минуты можем позволить...

Гаман-Голутвина: Полторы минуты как бонус к 8-му Марта.

Говоря о неэффективности политического класса, нельзя не упомянуть крайнюю внутреннюю конфликтность российской элиты. В нашем исследовании мы затронули тему взаимодействия пресловутой «семибанкирщины» и силовиков. В общем-то, на эту тему было много сказано. Если артикулировать в академическом дискурсе эту проблему, то проблема заключается во взаимодействии политической и экономической элит. Неоднозначность ситуации в этой области, неоднозначность трактовок нашла отражение в одновременном циркулировании в публичном дискурсе двух формул. Согласно

одной из них, если правы русские классики, а Петр I был первым большевиком на троне, то Владимир Владимирович Путин, репрессирующий крупный российский бизнес, он кто в Кремле? Это формула правых либералов. Левые, в частности, устами Александра Проханова им отвечают: «Ничего подобного, на самом деле, Владимир Владимирович Путин — это Абрамович, загримированный под горнолыжника, а правительство Черномырдина и Касьянова было правительством олигофрендов». Для справки: олигофренды — это друзья олигархов. Если таким образом характеризуется ситуация в элите и национальная элита в целом, то говорить об эффективной субъектности в условиях подобного глубинного раскола (в том числе и на ценностном уровне) не представляется возможным. 5 лет назад я опубликовала в «Независимой газете» статью под названием «Террариум единомышленников». Эта формула стала практически общеприменимой для характеристики российской элиты, что меня как автора формулы радует, но как гражданина РФ, безусловно, не может радовать.

Говоря о субъектности российского политического класса, зачастую, к сожалению, не учитывают тот факт, что российская элита во многом повторяет одну очень серьезную ошибку советской номенклатуры, которая стоила советской номенклатуре если не всего краха советского политического проекта, то ее собственного крушения. С моей точки зрения, одной из причин крушения советской политической системы стало пренебрежение сферой интеллектуальной проработки процесса принятия политических решений. То, что на Западе в течение последних 30–35 лет активно не только разрабатывалось, но и внедрялось, я имею в виду активное корпорирование если не в состав элитного субъекта западных стран, то в процесс принятия важнейших политических решений того, что называется сегментом интеллектуалов, связанных, прежде всего, с социо-гуманитарным знанием, не столько даже военно-техническим. Я имею в виду создание корпораций—фабрик мыслей не только по типу “Rand corporation”, они в принципе коммерческие организации, имеющие военный генезис, связанный с военно-морским ведомством. Суть не в этом. Даже сегодня в США существует примерно 300 коммерческих организаций, 200 некоммерческих, которые в общем активно в той или иной степени привлекаются к процессу выработки важнейших решений. У нас вся эта составляющая, связанная с интеллектуальной проработкой, просела в Советском Союзе в силу доминирования догматизированной версии марксизма, проседает и сегодня.

Владимир Александрович Гуторов предпринял экскурс в недалекую историю, а я, завершая выступление, если позволите, обращусь к более отдаленным временам. Размышления, конечно, грустные, но всегда ищешь какое-то утешение, в данном случае мне на память приходит известный исторический сюжет. Известно, что в 1822 г. министр иностранных дел тогдашней Российской империи Карл Васильевич Нессельроде отчитал тогда начинающего дипломата и будущего канцлера Российской империи Александра Михайловича Горчакова за то, что тот впервые в российской дипломатической практике стал употреблять выражение «государь и Россия». Вердикт Карла Нессельроде был достаточно жестким, он сказал: «Мы знаем одного лишь государя. Нам нет дела до

России!» Комментируя эту ситуацию, хочется утешить себя тем, что при подобных константах политического класса России все-таки наша страна продолжает существовать. Но хочется надеяться, что будет существовать и дальше. Все. Спасибо.

Гуторов: Валерий Алексеевич, маленькая ремарка. Поскольку Оксана Викторовна дважды упомянула мое имя, хочется отметить, что олигофренды теперь действуют достаточно эффективно, если иметь в виду их собственные интересы, а не интересы России. Например, они пускают «под нож» боеспособные корабли вплоть до атомных ракетносцев (мои коллеги-военные могут подтвердить, что адмирал Куроедов отдает подобные приказы). Это первое. Во-вторых, используя известную стихотворную формулу Александра Сергеевича Пушкина — «Свобод хотели — свободы вам даны, надели вместо узких вы широкие штаны», — олигофренды утверждают, что все их деяния определяются именно интересами россиян, внезапно превратившихся в либеральную нацию.

Гаман-Голутвина: Я только отвечу одним предложением. Проблема заключается в том, что политический класс и экономический (еще в большей степени) крайне эффективен, когда речь идет о партикулярных интересах. Они демонстрируют фантастическую эффективность, но как только речь заходит о более широких интересах, здесь все меняется.

Ачкасов: Спасибо. Пожалуйста, профессор Мутагиров Джамал Зейнутдинович. Вы, я надеюсь, будете соблюдать регламент.

Мутагиров: Я буду весьма лаконичным. Подхватчу последний тезис. То, что Несельероде отсек. У меня Россия всегда стояла, стоит и будет стоять на первом месте. Были поставлены вопросы о безопасности: безопасность кого и чего мы защищаем? Отвечаю на первый пункт нашей программы «что понимается под Россией, когда можно обеспечить истинную безопасность». Когда складывалось понятие «отечество», мыслители заметили, что родина имеет двоякое содержание (как моральное понятие и как географическое понятие). Моральное понятие — это когда оно выступает как объединение усилий, как совместное объединение для решения общих проблем. Когда общество пронизано целой системой моральных, нравственных, национальных, социальных и т. д. связей, гарантирующих каждому человеку достойную жизнь, безопасность, свободу, не позволяет падать на дно. И вот каждый человек защищает такое общество, ибо он является естественной частью, неразрывной, отечества. Защищая себя, он защищает общество и, защищая общество, он защищает себя. Но, как сказал тогда же известный мыслитель, когда страна захвачена ворами и грабителями, то родина исчезает, желание защищать эту родину исчезает, отпадает. Вот мне кажется, что с нашей страной, к сожалению, это произошло и продолжает происходить. Народ поставлен в униженное положение; наука, образование, которые возвышают любое общество, являются двигателями прогресса, находятся на задворках, какие-то непонятные ценности культивируются, но не российские, не отечественные. Вот спрашивается: что защищать, если нас здесь полсотни людей, каждый будет молиться своему богу, порою соперничающим между собой, добьемся ли мы единства?! Значит, речь идет о том, что нужно обеспе-

читать достойное существование своим (прежде всего!) гражданам, чтобы они чувствовали себя неразрывной частью своего отечества. Я вот помню (сейчас 60-летие Победы в Великой отечественной войне) еще дошкольниками ходили мы и собирали для победы, для фронта, и тогдашнее нищее российское население все отдавало для победы, защиты, обеспечения безопасности. Сегодня, если пойдем для поддержки армии, поддержки отечества, много мы соберем?!

Радиков: Значит, не ощущают опасности.

Мутагиров: Не ощущают опасности?! Дело в том, что нечего защищать! Мы не будем же олигархов, олигофрендов защищать!? Мы хотим сами себя защищать! Что, свои золотые или ржавые клетки, золотые или ржавые цепи надо защищать? Вот в чем дело, здесь правильно говорилось о революции. Революция... Эта среда благоприятна для революции. Она будет распространяться, она получит поддержку, и это не зависит ни от Кремля, ни от властей и ни от нас. Народ будет делать свою волю (власть), чтобы этого не было, надо народу дать достойное существование, тогда будет и безопасность обеспечена. Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Слово предоставляется Свешникову Александру Львовичу, научному сотруднику ИСОА, кандидату философских наук.

Свешников: Уважаемые коллеги, хотя мы сегодня обсуждаем национальную безопасность страны, как-то больше говорим о внешних факторах. На мой взгляд, имеющиеся внутренние факторы играют несколько большую роль при обсуждении этой самой безопасности. Очевидно, их можно было бы назвать очень много, я остановлюсь буквально на трех-четырех.

Во-первых, на мой взгляд, если формулировать предельно конкретно, это некоторая неадекватность в осознании окружающей ситуации со стороны исполнительной власти. Под исполнительной властью я имею в виду правительство. Это можно проследить по очень многим явлениям. Самое яркое явление последнего периода, безусловно, монетизация. Расчет строился на том, что население готово к тому, чтобы воспринять эту формулу, по которой эта монетизация будет проходить. И главное, исходили из того, что у населения уже на это есть деньги. Что получилось, мы все знаем. Появилась серьезная кровоточащая рана, но, на мой взгляд, самое главное в том, что произошли первые несанкционированные митинги. Как вы знаете, первые проходят достаточно легко, потом все происходит все легче и легче, поэтому этот момент сбрасывать не стоит. В чем причина такой позиции правительства? На мой взгляд, в том, что оно в своей политике следует принципу (я для себя его формулирую так) либерально-экономического фундаментализма. Что это такое? Следование тем вещам, которые в природе найти, в общем-то, достаточно сложно, так как они существуют только в учебниках. Нигде (ни в Америке, ни в Швеции, ни в Швейцарии, ни во Франции), ни в одной либеральной стране такой либеральной экономики, как у нас, нет. Это можно заявлять с совершенно полной ответственностью за свои слова. Давайте вернемся все к той же монетизации. Ведь дело подается так, что вроде бы только в нашей стране существуют,

теперь уже существовали, льготы, их нигде больше нет, но это же совсем не так. Давайте возьмем США. Вы же знаете прекрасно, что там раздают так называемые талоны на питание, этой услугой пользуется значительная часть населения. Но там никому в голову не приходит заменить эти самые талоны деньгами по той простой причине, что та социальная группа, которая пользуется этой льготой, эти деньги на наркотики потратит, а не на еду. Это абсолютно четко себе власть, правительство осознает. У нас, наверное, тоже, если пенсионеру дать деньги, он может себе купить лишнюю шоколадку вместо лекарства. Но речь идет о том, чтобы эти деньги вообще предоставить! Вот этот «либерально-экономический фундаментализм» в нашей стране имеет уже достаточно длительную историю. Очевидно, что на каком-то первом этапе, в 1998 г. он сыграл свою положительную роль в то время, когда страна переходила на известные вам рельсы. Сейчас очевидно, что он нуждается в трансформации.

И в заключение мне хотелось бы сказать о двух моментах, которые сегодня прозвучали. Об эффективности нашей элиты в целом. Знаете, эффективность оценивается... Иногда мы не можем понять эффективность элит, потому что не понимаем ее цели. Ведь если посмотреть на деятельность правительства, которое принято называть правительством Гайдара, оно было в высшей степени эффективно. С 1992 г. по 1996 г., когда переизбрали Ельцина, оно построило капитализм, который себя воспроизвел в этих выборах. Такой эффективности нет, наверное, ни в одном правительстве в мире. Конечно, мы ожидали чего-то другого, но ведь тогда, когда они это делали, они имели в виду только построение капитализма и больше ничего. И уж последнее дело упрекать их в утаивании своих целей или чего-то там еще, или в каком-то злом умысле, не знаю. Все это прекрасно было написано в научных статьях, научных работах, книгах за их подписью, и все это известно еще с 1992 г. В 1994 г. это просто нашло свое какое-то подтверждение. Так что у нас элита чрезвычайно эффективная. Другой вопрос, какие последствия имеет эта эффективность для страны? Но вопрос в том, как они эту страну понимают?

Еще хотелось бы сказать о другом. Сегодня у нас прозвучала мысль о том, что в тех союзах, в которые Россия входит, России там предуготовано играть главную роль. Знаете, мне кажется, это не совсем так. И от этой мысли нам всем нужно как-то отвыкать. Позавчера приезжал Корчинский, руководитель украинской УНА НСО, украинской организации. В Чечне ее представители воевали. Он — ярый националист. Он зондировал почву по поводу возможности на почве евразийства объединить Белоруссию, Украину, Россию. Смею вас уверить, что ни о каком лидерстве России не было даже и речи, речь шла о том, что лидерство в этом союзе должно принадлежать Украине. Если обратиться к Украине и просмотреть все старые документы про националистические организации... Ведь там тоже никто не говорил, что Украина должна выйти из Советского Союза, она должна была его возглавить. Поэтому вот такие размягченные настроения на эту тему, на мой взгляд, тоже не совсем уместны сегодня. Спасибо.

Ачкасов: Пожалуйста, профессор Сморгунув.

Сморгунов: Тема довольно сложная, как оказалось. Но я хотел бы обратить внимание не столько на практические вопросы соотношения доктрин национальной безопасности в России и практики осуществления национальной безопасности, сколько подумать о мировоззренческих основаниях тех или иных возможных доктрин и практик национальной безопасности. В этой связи из-за неимения достаточного времени для доклада я только тезисно выскажу некоторые идеи, которые мне пришли на ум, когда я слушал доклады и размышлял над этой темой.

Первое. Естественно, что современный сложный мир, будем ли мы называть его постмодернистским, сетевым и т.д., ставит нас перед возможностью действовать и необходимостью действовать в условиях риска и опасности, которые возникают в этих сложных условиях. Но вот здесь я бы поставил одну проблему, которая связана с этим усложняющимся обществом и поведением человека в этом усложняющемся обществе. Я эту проблему называю «ловушкой национальной безопасности». Ловушка национальной безопасности, с моей точки зрения, сводится к тому, что человек, попадая в этот сетевой или постмодернистский мир, ощущает, что можно по аналогии, может быть, здесь использовать идею бокса. Попадая в ситуацию, когда, находясь в отношении войны всех против всех по поводу дележа ресурсов, нефти, он, естественно, выбирает некоторые стратегии для выживания. И вообще-то странно, конечно, когда мы оцениваем стратегию США, считать, что эта стратегия, с точки зрения оценки борьбы только за нефть, является жизнеспособной стратегией. Девяносто лет, хорошо, США проживут не 90, а 150 лет, ну 200, но, в конце концов, нефть закончится. И в этом смысле мы оттягиваем только такой стратегией, которая проводится лишь под флагом борьбы за ресурсы, свою смерть. Отсюда такая оценка американской стратегии. Исходящая из этого наша реакция на ситуацию, конечно, будет не оптимистической, будет пессимистической стратегией. Но что в данном случае делать человеку, который живет в условиях этой ловушки национальной безопасности (я здесь говорю о человеке и о государстве), в условиях страха? Здесь я хотел бы сказать, что, конечно, мы перешли в иной мир не только с точки зрения сложности этого мира, но и с точки зрения ресурсов, которые должны быть использованы для решения проблемы безопасности. В этой связи можно было бы разделить этапы всей истории на территориально-конфликтный мир, ресурсно-конфликтный мир, социально-конфликтный мир.

Наш мир конфликтен, но в основе его лежит главный ресурс — наше сознание. Когнитивистские науки и когнитивистский подход в социальных науках появился именно в условиях этого постмодернистского сложного общества. Вообще эффективность субъективности и потеря субъектности в России связаны как раз с тем, что мы не учитываем необходимости изменения как раз психологии, в сознании и в идеологии, которая регулирует наши отношения.

Эта ловушка национальной безопасности порождает две возможные стратегии. Одна возможная стратегия — стратегия упрощения, то, о чем говорил Леонид Григорьевич. Эта стратегия — вообще уже пережиток, потому что эффективное управление тогда

эффективно, когда оно упрощает ситуацию и заставляет действовать в некоторых четко определенных направлениях. Отсюда, национальная безопасность — это либо оборонительная доктрина, либо наступательная, которая отвечает на возникшую опасность, которая вот стоит перед нашими глазами и заставляет нас испытывать страх. Естественно, в этих условиях в качестве основного стратегического ресурса выступает грубая сила (армия, госбезопасность, укрепление силы, укрепление, сильное государство).

Вторая стратегия — стратегия усложненного управления в условиях этого сложного общества. Концепция превентивной безопасности опережает возможные опасности, отсюда «мягкая сила» (“soft power”), отсюда гуманитарные технологии.

Оксана Викторовна сказала, что киевские события — это опасность новая, которая возникла перед Россией. Мне кажется, с одной стороны, это — опасность для первой стратегии, но это и урок для России, который показывает, как можно использовать современные гуманитарные технологии в вопросах, связанных с национальной безопасностью.

И последний сюжет. Здесь много звучало слов относительно демократии и способности демократии обеспечить национальную безопасность. Мне кажется, что главный ресурс в отношении использования «мягкой силы» и гуманитарных технологий как раз и есть демократическое устройство общества. Специалисты по «мягкой силе», оценивая позицию Советского Союза в 1920–1940-е годы, говорили, что потенциал «мягкой силы» был значительно больше, чем в 1970–1980-е годы. Спасибо за внимание.

Гаман-Голутвина: Валерий Алексеевич, полслова...

Ачкасов: Полслова?! Не могу отказать, кому угодно, но только не вам. Пожалуйста.

Гаман-Голутвина: Уважаемый Леонид Владимирович, очень рада вас видеть, позвольте объяснить, что я имею в виду. Говоря о потенциальной опасности, я имела в виду одно. То, что президент Ющенко объявил о конце новой векторности в политике Украины. Это для России не может быть расценено как позитив. Второе, что касается уроков, абсолютно солидарна, но только с одной ремаркой. Уроки, конечно, хороши, но, как известно, умный учится на чужих ошибках, дураки учатся на своих. Но как назвать тех, кто с упорством, достойным лучшего применения, наступает уже 15 лет на одни и те же грабли?!

Ачкасов: Пожалуйста, Петров Валерий Леонидович, вице-президент Академии геополитических проблем.

Петров: Уважаемые коллеги, удачно была затронута, особенно в последних выступлениях, тема субъектности, тема эффективности элиты и тема внутренних проблем безопасности. Именно на ключевых словах «безопасность» и «реальность» я хотел бы коротко остановиться.

Система внутренних угроз связана с образом субъекта геополитики, т.е. одна субъектность переходит в другую и выражается вполне конкретно в категориях, понятиях, организации. Я их озвучу через перечисление, поскольку из-за ограниченности времени нет возможности их охарактеризовать. Вторая проблема моего выступления, которую я

не смогу раскрыть, только назвать, это национальная стратегия безопасности России, т.е. замена существующего геополитического субъекта тем субъектом, который должен и может защитить Россию.

Итак, система внутренних угроз России в сугубой ее мирской конкретике. Многоуровневая, многоаспектная, многофункциональная. Зарисовка только на трех уровнях. Первые — официальные организации и структуры, зарегистрированные Минюстом и соответствующими структурами регионов. Вторые — формализованные структуры, организации, влекущие своей деятельностью разрушение безопасности России. Третьи — работающие, по крайней мере, весь XX век, иногда гораздо больше. Итак, только через перечисление, даже не называю, с кем они работают, с какими категориями населения в нашей стране. В хронологическом порядке, тезисно. *(Далее в течение 3 минут скороговоркой автор называет официально зарегистрированные в Российской Федерации общественные неполитические организации)*. В 2003 г. создан «Комитет–2008» для реализации «березовой» революции. Сегодня в России официально действуют более 120 иностранных фондов, несколько тысяч их региональных организаций, официально зарегистрированных. Чем они занимаются? Официально готовят государственный переворот по сценарию «березовой» революции. Второй слой — некоторые структуры влияния и организации. В 60-е годы XX в. группы влияния при Брежневе (Назаров, Арбатов и т.д.), московско-хельсинская группа, группа старейшая из действующих в России; в 1980-е годы — группа Яковлева у Горбачева. Неформальные структуры — это сеть наблюдателей, созданная от так называемого научного сообщества в РАН, сеть наблюдателей в отделении экономики РАН, что и привело к краху экономики СССР в 1960-, 1970-, 1980-е годы. Сеть сбора дани со всех эффективных государственных и коммерческих организаций и фирм.

Вот такова приблизительно динамика системы внутривососсийских угроз. Что же делать? Каково противоядие от этой заразы? Запретить? Видимо, можно и нужно. Государственно-правовая система должна предусматривать этот механизм защиты. Но это неэффективно, не работает. Задача в том, что пока не поздно, пока метастазы паразитической химеры не достигли цивилизационного архетипа, уровня цивилизационной безопасности, лечить необходимо весь народный, общественно-политический организм, все иммунные системы России. Как лечить? Национальная стратегия безопасности имеется, в случае публикации ее можно будет прочитать. Спасибо.

Ачкасов: Пожалуйста, Дука Александр Владимирович.

Дука: Я буду придерживаться регламента и не буду много говорить. Остановлюсь на двух моментах. Связь, которая существует между проблемой национальной безопасности, проблемой национального исследования. Национальную безопасность можно определить как предотвращение опасности при реализации национальных интересов. Здесь важно, что национальные интересы, безусловно, во внешней политике, внутренней политике, определение национальности, национального интереса, оно существенно для любого субъекта, принимающего решение и стремящегося обезопасить себя от тех

или иных факторов, которые могут помешать это сделать. Я хотел бы остановиться на том, что в условиях трансформации российской произошла очень важная вещь, когда властные группы стремились представить свой интерес частный, групповой как всеобщий. Это — приватизация национального интереса первоначально в идеологических рамках, культурно, духовно, а затем материально на структурной, институциональной почве. После этого проблема национальной безопасности формулируется совершенно иначе. Уже не с точки зрения населения, не с точки зрения народа.

Существует еще несколько фактов, важных чрезвычайно, на которых мне просто необходимо остановиться. Это — геополитический контекст, о котором очень много говорили, и глобальный контекст. Глобальный контекст связан с тем, что существует некоторая политическая, экономическая, техническая реальность, которая включается или не включается в тот или иной организм, в глобальном пространстве можно реализовывать какие-то свои интересы и одновременно защищаться. Структурирование этого глобального пространства, глобального контекста устроено таким образом, что в нем существует некоторое пространство взаимоперехода ресурсов и конвертации интересов. Превращение этого процесса конвертации в некую безопасную стратегию создает новые возможности, новые ресурсы для тех агентов, которые участвуют в этих процессах обмена. Эти процессы обмена по-разному называются. В геополитической литературе эти пространства называются «глобальными воротами», иногда “global city”, в отличие от мировых городов, мегаполисов и т.д., где происходит очень важный обмен политическими, экономическими, культурными, финансовыми ресурсами. На карте глобальных ворот, глобальных городов мира, которые были опубликованы в книге «Глобальные ворота — ворота в глобальную экономику», там пространство совершенно пустое в Африке и Бразилии. Нет у нас пространств перехода! Мы свой интерес не можем в этом пространстве реализовать, защитить и обеспечить наращивание ресурсов. Это очень важная проблема, поскольку национальная безопасность осуществляется через выдвигание этих рубежей, а интересы рассматриваются как включенные непосредственно в пространство региона. Важно культурно-идеологическое обеспечение выдвинутых рубежей, то, что называют классически «культурно-идеологическим просветизмом», через это можно защищать и обеспечивать свой интерес. Только когда то или иное государство, тот или иной субъект международных отношений или любых социальных отношений может обеспечить свой интерес как всеобщий показатель, только тогда он будет безопасен. Все возвращаются к этому.

К проблеме приватизации интересов. Проблема заключается в том, что при приватизации интересов нашей политической базой не осуществляется чрезвычайно важная вещь, действительное соотнесение себя с возможностью самого населения нашей территории ощутить их деятельность как национальный интерес и тем самым включиться в обеспечение этой безопасности. С другой стороны, сама эта верхушка не ощущает себя отличной от тех интересов, которые уже существуют в геополитическом и глобализационном пространстве. Поэтому Россия вынуждена существовать как некоторый марги-

нальный субъект, и геополитический, и глобализационный, с очень интересной, важной характеристикой. Это не страна выступает, а некоторая группа лиц, которые приватизировали страну. Отсюда вывод достаточно печальный: отсутствие осознанности, зафиксированности, возможности дальше реализовывать национальный интерес приводит к невозможности его защищать, поскольку его нет. Поэтому проблема национальной безопасности в этих условиях эфемерная и выдуманная, ее не может быть в условиях этого приватизированного государства. Все.

Ачкасов: Коллеги, мы работаем уже, даже если учитывать перерыв, три часа, поэтому есть следующее предложение. Мы дадим возможность выступить еще трем докладчикам, затем предоставим несколько минут основным докладчикам, Гусейнову и Кортуну. Слово предоставляется профессору Радикову.

Радиков: Уважаемые коллеги, учитывая всеобщую усталость, остановлюсь на двух лишь моментах. Первое. Говорить о национальной безопасности в том смысле, в котором мы здесь пытаемся говорить, т.е. как об объекте, сочетающем в себе три предмета (личность, собственность и государство), можно только в демократическом обществе. В государстве с авторитарными, недемократическими началами можно говорить только в смысле государственной безопасности, т.е., когда национальная безопасность есть суть государственной безопасности, не более того. Мы говорим о национальной безопасности, а понимаем в уме, что речь-то идет о государственной безопасности, к сожалению. Именно это, на мой взгляд, объясняет, Сергей Вадимович, то, что разработчики нынешней концепции национальной безопасности не пускают никого, кто мог бы внести некое новое слово, прозрение, новые идеи. Именно поэтому нет ничего там, что могло бы образовать некий прорыв в системе национальной безопасности. Может быть, поэтому, как заметил предыдущий выступающий, национальные интересы подменяются интересами государственными, может быть, корпоративными интересами властвующей элиты. Поэтому в нынешней концепции национальной безопасности, я уверен, и в последующей тоже будет путаница, которая существует между жизненно важными интересами, между потребностями, между ценностями. Все перепутано абсолютно. Вторая мысль. На мой взгляд, одна из причин нынешнего положения дел — то, что в России нет серьезной теории национальной безопасности, выверенной теории национальной безопасности. Нынешняя властвующая элита пользуется этим. Я считаю, что в регионах России должны быть центры или экспертные советы, действующие, эффективные, которые могли бы исследовать проблемы национальной безопасности на местах. Таких центров нет, фактически нет. Номинально кое-где числятся, но реально таких центров нет. Скажем, можно создать у нас Северо-Западный центр на базе Университета.

Сергей Вадимович говорил о проведении Интернет-конференции, необходимости организовать временную связь между Советом Безопасности и 500, не более того, участниками всей России. А почему бы не создать постоянно действующую связь?! Подобные вопросы, мне кажется, должны найти свое отражение в наших усилиях, в теоретических изысканиях. Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Продолжит Юрий Никифорович.

Солонин: У меня, коллеги, будет несколько примитивных рефлексий на выслушанное здесь. Конечно, я огорчен, выслушал здесь констатацию, причем очень аргументированную, что национальной безопасности в стратегическом и практическом смысле слова нет. Более того, что нет тех органов, социальных, элитных, умственных, которые способны были выработать эту концепцию. А вот некоторые выступления коллег даже подвели черту в том смысле, что фактически и невозможна сама концепция национальной безопасности для того феномена российского общества, которое сейчас существует. Это действительно серьезная констатация, которая должна породить какой-то ряд суждений, возможно, не очень стандартных по своей сущности.

Понятно, что национальная безопасность должна вырабатываться для кого-то, кто должен в ней нуждаться. Я не понимаю, кто в ней нуждается кроме сообщества, которое считает, что она должна быть. Есть социальные структуры, которым она не только не нужна, но она хранится в тайне, в том сообществе, замкнутом каком-то, и их эта проблема не интересует.

Наличие каких-то барьеров, которые фиксируются в плохой или хорошей, но концепции национальной безопасности ... и того, что вытекает из нее в практическом смысле. Если говорить о нации, как говорил первый докладчик, о русском народе, то мы знаем, что и здесь не все благополучно. Рискну предположить следующее. Если провести какой-то плебисцит на Сахалине, в Приморье с целью выяснить, где бы хотело жить население, в союзе с Японией и даже, возможно, с Китаем или оставаться с Россией, наверное, результаты такого плебисцита были бы печальны для России. Поэтому проблема действительно в высшей степени сложна, а стало быть, она и парализует консолидацию усилий для выработки этой самой концепции и самой стратегии национальной безопасности.

Во-вторых, вот вопрос. Какой тип политики более пригоден для обеспечения национальной безопасности? Были только два типа политики, может быть, отчасти дополняя или перефразируя, упрощу то, что говорил профессор Сморгун. Классический тип изоляционизма, ведь, по сути дела, эта проблема постоянно звучала в докладе Ивашова. Эта политика имеет свои достоинства, наверное, какие-то неоспоримые, но преобладает ли среди этих достоинств столь значительное, которое перевесило недостатки для современного мира, из нее вытекающие? Политика изоляционизма предполагает формирование политики безопасности и стратегии с учетом тех грубых сил, о которых тоже здесь говорилось, тех количественных и по интенсивности выражения разрушительных, военных, количества армии и тому подобных вещей. Она все-таки наиболее понятна в силу своей такой классичности.

Или же политика открытости, при которой страна втягивается в сложнейшую систему международных отношений самого различного класса, назначений, целей, в каком-то смысле растворяется, поэтому, собственно говоря, наказывать некого, некого блокировать, потому что это, по сути дела, продолжение того же западного, условно скажем,

общества, органичной частью которого становится и наша страна. Тогда возникает вопрос о проблеме ее идентичности — территориальной, социальной, этнической, культурной. Происходит растворение этого социума, который не диктует свои нормы жизни в этом конгломерате, а фактически каким-то образом в нем умирает, растворяется, происходит какая-то странная его ассимиляция.

Когда мы обсуждаем вопросы национальной безопасности, мы исходим из проблемы внутреннего ресурса. Тогда возникает следующий вопрос. Другие страны, которые мы рассматриваем в качестве своих противников, те оппоненты политические, которые могут привести к какой-то конфликтной ситуации, но ведь они тоже уязвимы, ведь они тоже для чего-то формируют свою политику безопасности, что-то в них есть слабое?! Не можем ли мы строить политику своей безопасности с учетом того, что эта слабость нашего конкурента связана с фактором нашего существования, даже весьма сильно опосредованной зависимости от того, что существуем мы, что существует у нас, от того, как мы ведем себя в международном плане в самых различных аспектах, т. е. поиски тех аргументов, которые чрезвычайно здесь важны.

Согласен, что политика безопасности, построенная на формировании очень мощного ядерного сдерживания, видимо, терпит полное фиаско. Мы уже убедились, здесь неоднократно говорилось, что стратегии и практики, технологии разрушения страны и общества в виде различного рода воздействий (даже попытки перечислить эти структуры были сделаны, наверное, далеко не полные, но впечатляющие) приводят к тому, что в каком-то все-таки измеримом и контролируемом промежутке времени достигается тот же эффект, менее разрушительный для среды, без обратного воздействия на то общество, которое ведет разрушительное действие, без обратного воздействия, и более эффективно, чем если действовать всякого рода средствами сдерживания, превентивного нападения и тому подобных вещей. Здесь перед нами стоит очень странная проблема: мы продолжаем обладать определенным ядерным потенциалом, определенными факторами сдерживания, уповаем на них как на решающую силу, в то же время видим, что песок в качестве фундамента нашего общества, на котором мы стоим, вымывается, вымывается, и мы, по сути дела, остаемся ни с чем в ситуации фиктивного обеспечения безопасности, фиктивного субъекта этой безопасности. Так складывается, мне кажется, сейчас ситуация. Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Последнее выступление, профессор Исаев, пожалуйста.

Исаев: Я в начале своего выступления вот на чем хотел бы сосредоточить ваше внимание. Здесь называли уже документы национальной безопасности, но забыли про законы безопасности, которые действуют в России. Закон «О безопасности» делит нашу безопасность на государственную и личностную. Этот закон предпринимает собой попытку гармонизировать все эти виды безопасности. Закон также определяет государственные органы, которые обеспечивают систему безопасности, сюда входят практически все министерства, включая МИД, военное министерство, МЧС и т.д. Мне все-таки кажется, что мы не можем однозначно сказать, что у нас нет системы безопасности, кон-

цепции безопасности и безопасность отсутствует в России вообще. Но, с другой стороны, безопасность, как и все направления политики России, должна, как мне кажется, быть гармонизирована. Что же происходит в России? Почему столько людей считают, что безопасность в России находится не на должном уровне?

Россия очень неудачно провела свои реформы, и во время реформ Россия действительно потеряла многие составляющие своей безопасности. Мне кажется, с точки зрения проблемы реформ и безопасности существуют две модели. Первая модель — это китайская модель реформ. Китай за время своих реформ усиливает безопасность, осуществляет приращение своей территории, приращение всех потенциалов, включая военные. Россия за время своих реформ теряет свою территорию, ослабляет свои границы, многие потенциалы, включая и военный. Это случилось не только с Россией, подобный ход реформ мы наблюдаем в Югославии, которая распалась, Чехословакии. Мне кажется, такой ход реформ, такая модель реформ и выбрасывает на гребне волны недовольных таким ходом. Многие россияне, в том числе политологи и политики готовы пожертвовать этими реформами ради укрепления безопасности. Я думаю, здесь не надо быть столь пессимистичными, даже алармистами. Ведь речь должна идти о гармонии реформ и безопасности. Мы знаем и видим такие возможности, когда реформа одновременно укрепляет безопасность нашей страны.

И вторая проблема, на которой я хотел бы остановиться — безопасность как противостояние и безопасность как взаимопонимание. Уже упоминалось, что международная безопасность не сродни внутренней безопасности, международная безопасность — это такое положение государств, когда каждый из акторов обязательно учитывает интересы другого. Другое дело, что национальные интересы этих акторов должны быть сформулированы и представлены заранее, что политика этих акторов с точки зрения проведения безопасности должна быть предсказуемой и четко определенной. Вот это, конечно, им надо не просто провозглашать, а выполнять те концепции, те доктрины, которые ими же сформулированы. Если это будет сделано таким образом, то безопасность международная будет представлять собой безопасность всеобщую, безопасность, которая минимизирует угрозы всех государств, включая и Россию. Возьмите проблему Антарктиды. Наши интересы вполне признаются всеми государствами, которые ведут там исследования; возьмите проблемы Арктики — есть, конечно, замечания, проблемы есть в любом вопросе, тем не менее, большинство государств мира признает наши интересы. Другое дело, Россия должна активно присутствовать там, где уже была, а не где не была, закреплять свое присутствие. Это во-первых. Во-вторых, политика России должна быть более последовательной и более предсказуемой, поэтому, мне кажется, проблема не в том, что у нас нет безопасности, проблема в том, что нам нужна постоянная, систематическая, выверенная, предсказуемая политика. Проблема в том, что надо выполнять те документы, которые мы уже сами себе сформулировали, начиная с Конституции и заканчивая теми документами, которые я здесь уже упоминал. Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Коллеги, тут выяснилось, что несколько человек на меня уже

обижаются, но вы поймите положение ведущего, я сам профессиональный говорун и сам наступаю себе на горло. Несколько слов вы еще получите, но имейте в виду, что мы работаем уже четвертый час. Пожалуйста, профессор Марахов, потом профессор Аркан.

Марахов: Уважаемые коллеги, я хочу сказать о концепции национальной безопасности. Мне кажется, в совершенно блестящих выступлениях наши гости доказали нам, что ситуация катастрофическая. А когда складывается катастрофическая ситуация, составляются не просто концепции, а планы спасения. Посмотрите в Библии на первой странице: «Божий план спасения», там все спасают души. А у нас что надо спасать? Душу, тело и страну. Поэтому я думаю, что это должна быть очень серьезная концепция, с обязательным участием не только политологов, но философов, экономистов, психологов, конечно, наших докладчиков. Я искренен, мне очень понравились доклады. Так вот, в этих концепциях нужно главное понять, что безопасность возникает тогда, когда есть устойчивость, когда есть гарантия от случайностей. Помните, как Сталин говорил: «Если мы выплавим 100 миллионов тонн железа, 120 миллионов тонн стали, столько же чугуна, то будем гарантированы от случайностей». И это действительно так. Что он имел в виду? Экономику. Вот с чего начинается безопасность. Мы ведь все материалисты, мы знаем, что определяет экономика. Устойчивое состояние общества защищает нас от случайностей. Что еще гарантирует от случайностей? Социальное благополучие граждан. Та глубокая дифференциация, которая у нас произошла, не гарантирует нам безопасности, а создает очень напряженную ситуацию, поэтому это второй пункт. Т.е. есть ряд пунктов, которые мы могли бы назвать источниками безопасности, национальной безопасности. И есть другая группа причин. Мы над этим вопросом поработали и разделяем причинность на две части: на источники и движущие части, силы, которые взаимодействуют, связаны по принципу нелинейно-причинных отношений. Целый раздел математики у нас разработан нелинейных дифференциальных уравнений. Мы вместе с математиками работали над этим вопросом и даже составили математическую модель развития нашего общества, когда только начиналась перестройка. Вторая группа причин — движущие силы. Я не буду их все перечислять, но среди движущих сил есть духовная область. Исчезла идея, объединяющая общество. Вот вы пытаетесь ее сейчас поднять в виде тезиса о гражданском обществе. Вы по-своему стали дискутировать гражданское общество, не так как большинство. Большинство думает, что гражданское общество — это гражданская организация. На самом деле, это — система субъектных отношений, освященных ценностями, которые могут их объединить. Это ценности свободы (за свободу все на баррикады), ценности справедливости, ценность революции, ценность безопасности. Если мы поймем гражданское общество таким образом, это и будет одна идея, их не должно быть очень много. Мало, но это будет движущей силой истории, нашей собственной истории, и вот эту концепцию надо разработать.

Ачкасов: Пожалуйста, Юрий Леонидович.

Аркан: Коллеги! Я благодарен, что мне все-таки предоставили слово, но много времени я у вас не отниму, вы уже все устали. Мне бы хотелось начать свое коротенькое выступление с трех вопросов, которые обычно философы ставят перед собой. Что мы можем знать? Что мы должны делать? На что мы можем надеяться? Наверное, большинство из вас согласится со мной, что наша страна находится в переходном состоянии, которое затянулось на многие годы, и, наверно, самой большой угрозой для России в данный момент является сама Россия, мы сами, сама структура государства, власти и общества, которые управляют и находятся в этой стране, но неадекватны друг другу. Власть, казалось бы, пронизывает общество, но не отвечает на вызовы государства, и наоборот. Последние события, которые происходят у нас, проведение реформ хорошо иллюстрируют этот тезис (о них говорили, я не буду повторять) и говорят нам о том, что власть хочет осчастливить нас помимо нашего желания по каким-то направлениям, которые нам плохо понятны, мы их не знаем, не изучаем и изучать не можем, потому что у нас нет даже первичных материалов.

Я остановлюсь еще на одном аспекте, который мало освещался. Это расслоение общества, которое на сегодня достигло, в общем-то, критических величин. Известно, что появляется критическое положение, возможен социальный взрыв, когда расслоение, разница в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных равна 1:15. По подсчетам независимых экономистов, у нас в России это соотношение 1:22, а официально Госкомстат вчера опубликовал соотношение 1:15. Как экономист могу сказать, и вы тоже знаете об этом, что мы стоим на пороге серьезных социальных потрясений. Это признает даже официальная статистика. Что мы должны делать? В нашем случае мы как минимум должны разрабатывать и пытаться реализовать и, скажем так, предлагать свои мысли, свои идеи ветвям власти. В чем они, на мой взгляд, заключаются? Серьезное изменение системы налогообложения, подоходного налога с граждан (он должен быть прогрессивным), изменение структуры экономики страны, развитие которой сегодня сидит на так называемой нефтяной и газовой игле (о реструктуризации экономики: если она не будет проведена, а цены на нефть упадут, понятно, что будет катастрофа), коренная реконструкция банковской системы, развитие малого и среднего бизнеса и многое другое, о чем говорят и пишут экономисты, не находящиеся у власти. Власть увлечена только бюджетом. На что мы можем надеяться? Мы можем надеяться на то, что определимся с рядом вопросов. Кто мы есть? Куда мы идем? Самоидентифицируемся. До решения вопроса самоидентификации нам следует опасаться самих себя. Самоопределившись, мы сможем надеяться на то, что сохраним нашу страну. Спасибо.

Ачкасов: Спасибо. Николай Николаевич, пожалуйста. Наш коллега с восточного факультета.

Дьяков: Спасибо, что нашли возможность пригласить и дали 2 минуты буквально для выступления. Я представляю здесь восточный факультет, мне особенно приятно, что между нашими факультетами установились такие добрые отношения, наши молодые коллеги у вас становятся политологами, конфликтологами и т.д.

Я бы хотел обратить внимание на один из аспектов проблемы обеспечения национальной безопасности, который прозвучал в одном из первых выступлений нашего коллеги из Москвы, я имею в виду выступление Гусейнова Вагифа Алиовсатовича. В данном случае я хотел бы обратить внимание на то, что тот самый исламский фактор, который затрагивался здесь, так или иначе остается одной из животрепещущих проблем для нашей страны. Я бы хотел отметить, что речь идет, конечно, не о каком-то негативном, настороженном подходе к исламскому фактору, а о разработке и выработке позиции более позитивной и сбалансированной. Предлагаю искать в истории стран Ближнего Востока, дать достаточно развернутую панораму в сфере отношений между нашей страной и мусульманским, арабо-мусульманским миром, поверьте мне, эта история насчитывает более тысячелетия. В позапрошлом году мы отмечали 1250 лет нашей Старой Ладогей, которая была в свое время еще важным перекрестком в развитии таких контактов, не только экономических, но и культурных между Северной Европой и мусульманским миром. Я не буду приводить здесь цифры, может быть, достаточно впечатляющие, наверное, многим знакомые, о том, что и в пределах нашей страны, ее границ число мусульман и, соответственно, роль мусульманского фактора значительно возрастает. Я бы здесь привел данные, которые известны студентам наших первых курсов, что в мусульманской среде рост населения, прирост населения составляет 2,5–3 %, в то время как в большинстве европейских стран и в России о приросте населения не приходится говорить.

Хотелось бы отметить тот факт, что с начала становления новой эпохи, того, что можно назвать имперским многонациональным пространством, которое занимает РФ, отношения с мусульманским миром складывались очень сложно, и им уделялось большое внимание нашим руководством, начиная с Петра Великого. На самом деле, могу сказать, что со времен Ивана III. Можно напомнить, что одним из сложных аспектов обеспечения безопасности в новое время, последние десятилетия было также то, что наши стратегические, мягко говоря, конкуренты и на Ближнем Востоке, и в Старом Свете в целом всегда делали очень много для того, чтобы расшатать безопасность России на ее южных границах и создать такую ситуацию, когда бы здесь, на южных границах РФ и в сердце РФ, районе Поволжья ситуация с безопасностью складывалась бы не благополучно. Мы наблюдаем это и сейчас в полной мере, в данном случае история России как никогда часто, скажем так, систематически повторяется. В данном случае хотел бы обратить внимание на то, что у России в настоящее время есть очень мощный потенциал — развитие контактов не только с теми центрами для безопасности в Старом Свете, которые здесь назывались не в последнюю очередь, но и с миром ислама в целом. Лишь одну цифру приведу вам: в настоящее время на планете проживает более миллиарда с четвертью мусульман, по самым приблизительным данным. И уверяю вас, что за три с лишним десятилетия моей работы, учебы, занятий в различных арабо-мусульманских странах в большинстве из них отношение к России сохраняется весьма позитивным, несмотря на сложные конфликтные ситуации, в свое время развернутые

Афганской войной, а теперь, скажем так, сохраняющиеся военные действия на Кавказе. Проблема сохранения позитивного образа России на мусульманском Востоке, в этом огромном цивилизационном пространстве, складывается для нас очень положительно. Скажу, что наши коллеги, в том числе присутствующие здесь, могут подтвердить, что в рамках НАТО проблема сохранения и, скажем так, подчистки, обновления имиджа Запада на мусульманском Востоке является одной из основных. Это звучит в соответствующих документах НАТО и по ту сторону Атлантики. У России в этом смысле есть большое преимущество. Нам не нужно строить заново свой позитивный, благоприятный образ в мусульманском мире. Он есть! На всех уровнях арабо-мусульманских стран поддерживают идею восстановления контактов и восстановления безопасности на границах между двумя цивилизационными блоками, какими являются Россия и мусульманский мир. Спасибо, извините, что задержал ваше внимание.

Ачкасов: Спасибо большое. Насколько я понимаю, список выступающих не исчерпан. Мы по традиции и по другим основаниям должны предложить заключительное слово нашим двум оставшимся основным докладчикам. Вагиф Алиовсатович, будете брать слово?

Гусейнов: Давайте. Хочу, во-первых, проанализировать выступление нашего Владимира Александровича Гуторова, у него интересное выступление было. Безопасность должна соответствовать ресурсам государства, это было бы не совсем объективно. Мне кажется, что государство сегодня имеет, даже в сегодняшнем составе, достаточно мощные рычаги, которые способны среагировать на вызовы современности, несмотря на все проблемы (коррупции). Национальной безопасностью можно серьезно заниматься. Я согласен с одним из выступающих, который сказал, что не все так дело плохо, мне тоже так представляется.

Сегодня общий контекст разговора был искренним и весьма поучительным, я получил действительно огромное удовольствие, я говорю только от самого себя. Мне представляется, что сегодняшней наш разговор, для меня, во всяком случае, очень поучителен, очень интересен и, естественно, потому что приглашены мы совершенно особой интеллектуальной средой для участия в обсуждении этой темы. Мы относимся к одной, как говорится, среде. У вас совершенно иные, очень интересные взгляды и подходы к этой серьезнейшей проблеме. Поверьте, что для практиков они представляют огромный интерес.

Пользуюсь правом предоставленного мне слова. Я хотел бы поблагодарить участников сегодняшнего семинара, выразить признательность за то, что нашли возможным нас пригласить и, более того, даже выслушать, и даже не перебили. Я хотел бы пожелать всем участникам семинара дальнейших успехов в творчестве, а самое главное, здоровья, потому что оно нам нужно для укрепления национальной безопасности.

Ачкасов: Спасибо.

Кортунов: Мне трудно, очень неловко выступать после выступления Вагифа Алиовсатовича, который уже все слова сказал, в том числе и комплиментарные в отношении данной аудитории.

Я хотел бы высказать три коротких тезиса. Первое. Мне тоже было чрезвычайно интересно участвовать в этой плодотворной дискуссии, и один из выводов, который могли бы сделать вместе, что дискуссии по национальной безопасности надо продолжать и, может быть, более интенсивно, чем мы это делаем. Даже несмотря на то, что многим вопрос о национальной безопасности кажется эфемерным. Я надеюсь, что наша дискуссия действительно будет записана, отредактирована и направлена, куда следует. И если вспоминать нашего остролова Черномырдина, то «все наши предложения должны быть собраны в одну кучу и снесены в одно место». Под этим местом имею в виду Кремль. Но если наша дискуссия будет начинаться с выступления одного из уважаемых лиц, президента Академии геополитических наук, которым провозглашается концепция «всевражества» вокруг России, а заканчиваться эта стенограмма будет выступлением другого уважаемого вице-президента Академии геополитических наук, в котором говорится, что и внутри России сплошные враги, то я представляю состояние человека в Кремле, который читает эту стенограмму. Думаю, у него не возникнет желания прочитать середину.

Второе замечание. Мне кажется, что содержательная иерархия национальной безопасности, которая закреплена в законе «О безопасности» 1992 г., потом была сквозным элементом других документов, а именно, иерархия личность–общество–государство. Это, безусловно, выдающееся прорывное достижение нашей демократической общественности. У многих возникает желание опять сместить эту иерархию в сторону государства. Это делать ни в коем случае нельзя, тем более, что сейчас наша российская государственность находится лишь в стадии становления, а мы сами не можем ответить на вопрос, какое же, собственно, государство мы строим. Либо это — ядро СССР, как говорил наш Президент уважаемый, либо мы строим нашу государственность от Российской империи, либо с чистого листа, с 1991 г.? На этот вопрос еще никто не ответил, поэтому в этих условиях мы должны держать позицию, что все-таки должен быть приоритет личности на первом месте.

И последнее замечание. Я солидаризируюсь с теми участниками, которые подчеркивали значение такого разговора именно на уровне экспертов независимых. Я считаю, что наше сообщество должно ставить перед властью эти вопросы резко, нелицеприятно, без всякой политкорректности, даже если это у кого-то будет вызывать недовольство, аллергию, но мы тем самым исполним, я считаю, наш гражданский долг. Вполне возможно, что в ходе именно таких дискуссий сложится тот субъект национальной безопасности развития, о котором говорила Оксана Викторовна.

У меня такое конструктивное предложение. Может быть, нам стоит подумать о том, чтобы сформулировать общественный вариант концепции национальной безопасности, хотя это будет довольно сложно сделать. Я уверен, что у нас здесь даже больше времени, потому что очередной вариант концепции вряд ли устроит, немедленно начнется работа над следующим вариантом. Начнется в ходе следующего президентского цикла, поэтому если нам прицелиться на следующий президентский цикл, я думаю, могли бы

подготовить вразумительный вариант концепции, создать рабочую группу. Это должна быть общероссийская группа, не только московская. Может быть, ядром могла бы стать наша московская группа и группа от СПбГУ. Спасибо.

Ачкасов: Спасибо, дорогие коллеги, мы заканчиваем. Несколько слов по поводу будущего нашего сегодняшнего обсуждения. Теперь у нас есть орган, где в полном объеме этот «круглый стол» будет опубликован, шла запись, она будет расшифрована. Авторы, которые хотят поместить аутентичный текст, могут прислать свой текст по электронному адресу, который указан в обращении редактора, мы включим его в стенограмму.

То, что желающих выступить было много, и то, что даже власть понимает, что надо менять концепцию национальной безопасности, свидетельствует об актуальности этой проблемы. Я думаю, что, несмотря на общий пессимистический тон обсуждения, оно было плодотворным. Наш четвертый «круглый стол» оказался вполне удачным. Что планируется в будущем на заседании экспертного «круглого стола»? Мы планируем провести «круглый стол» «Политическая карьера в России: призвание или профессия». И хотим вызвать очень интересных людей, хотелось бы Чубайса пригласить. Пока трудно сказать, удастся ли нам это сделать, но я думаю, что тема достаточно интересная. Сроки проведения мы сообщим дополнительно. Спасибо за участие. До свидания.